

Наталья
Лукьянова

Принцев на всех
не хватает

Наталья Лукьянова

Принцев на всех не хватит

«Центрполиграф»

2009

Лукьянова Н. Г.

Принцев на всех не хватит / Н. Г. Лукьянова —
«Центрполиграф», 2009

Мечта молодой банковской служащей Алины Тихомировой о прекрасном принце никак не хотела сбываться. Вместо светлых романтических отношений – каждодневные робкие взгляды незнакомца на перекрестке по пути на работу. Алину переполняла жажда перемен, потому идея подруги пришлась кстати – поездка в Санкт-Петербург сулила новое и неизведанное. Знакомство с Виталием, эффектным курсантом из Северной столицы, окрылило Алину, но любовная история обернулась предательством и крушением надежд. И тут в жизни Алины вновь появился тот самый незнакомец с перекрестка...

© Лукьянова Н. Г., 2009

© Центрполиграф, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	26
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Наталья Лукьянова

Принцев на всех не хватает

Глава 1

Казалось, время покатило вспять. На дворе разгар июня, а такое впечатление, что в Москву вопреки всем законам природы вернулась зима. Странное ощущение и не очень приятное, если честно. Солнышко светит ласково и радостно, народ дефилирует по улицам в летних одеждах, а вокруг миллионами снежинок, срываясь с веток, летит тополиный пух, от которого кругом белым-бело. Отличное время. Под названием «Привет, аллергия!». Здравствуй, распухший, красный нос, противный насморк, чиханье до изнеможения, вечно слезящиеся глаза, мерзкое самочувствие и отвратительное настроение. А какое еще может быть настроение, когда ты в полной некондиции и выглядишь хуже некуда.

Ждешь этого лета, ждешь, как в последний раз, мечтаешь о хорошей погоде, в солярий на исходе зимы бегаешь чаще, чем на свидания, на безжалостные и мучительные диеты добровольно садишься, чтобы не ударить в грязь лицом при наступлении долгожданного тепла. И вот тебе, пожалуйста, большой и ласковый тополиный привет. Не успела толком обрадоваться по-настоящему долгожданному времени года, как полетел тополиный пух. Мелкая, но исключительно гаденькая пакость настигает тебя в тот самый момент, когда душа расслабилась, открылась теплу и солнцу. И нет возможности скрыться от этой напасти ни дома, ни на улице. Кого интересует, что у тебя отличная фигура и прекрасный загар, когда ты каждую минуту шмыгаешь носом, чихаешь, как кот помойный, в самый неподходящий момент и не можешь глаза накрасить по-человечески, потому как это при данных обстоятельствах совершенно бесполезное занятие. В общем, может быть, кто-то и радуется наступлению июня, но только не аллергики. А чему радоваться, когда у тебя каждый день видок как у профессиональной плакальщицы. Можно запросто подрабатывать на похоронах. А что? Неплохой бизнес. По крайней мере, стабильный.

Алина Тихомирова уверенно выбивала каблуками дробь по тротуару, пытаясь сохранять независимый и гордый вид, но носовой платок далеко не убирала. Летнее утро, она идет на работу, поводов огорчаться вроде бы и нет, но настроение на нуле. Нет, не на нуле, это мягко сказано. Желание жить и радоваться наступившему лету и долгожданному теплу пропало вместе с первыми признаками аллергии. Превалирует стойкое, но довольно настойчивое желание – хочется незаметно скончаться в каком-нибудь тихом, темном уголке, бесславно и без присутствия лишних свидетелей. Мало того что проклятая аллергия дышать не дает, а тут еще со всех сторон навалились мелкие неприятности разного свойства. Они, конечно, не определяют ее планы на ближайшее время, но жизнь отравляют.

Кто сможет, например, ей лично, девушке в полном расцвете сил, красавице и умнице, доступно и популярно объяснить, для чего график отпусков составляется в начале года? Столько вокруг этого эпохального события шума, ссор, мелких обид и нешуточных страстей! Попробуй в дамском коллективе всем угодить и всех удовлетворить. А тут решается вопрос, когда ты сможешь уйти в долгожданный отпуск. Все стоят за свои интересы насмерть, добровольно сдаваться никто не собирается. Каждый считает себя несчастным и обделенным лишенцем, приводит в доказательство собственной правоты тысячи доводов и взывает, как по утрам мулла с минарета, к совести остальных. Наконец страсти утихают, мольбы и увещевания сходят на нет, все постепенно определяются в своих желаниях, и ты вдруг понимаешь, что отпуск тебе выпал, словно настоящей счастливице, в самое разгульно-курортное время – в середине лета.

Ты уже мысленно кричишь победно-счастливое «ура!» и чувствуешь себя настоящей счастливой, сумевшей взять в руки власть над временем и победить обстоятельства.

Сразу же после новогодних праздников начинаешь страстно мечтать о поездке к морю в июле-августе, потому что коллеги предоставили тебе, наконец, возможность наслаждаться отдыхом летом, руководство благосклонно согласилось с твоими желаниями, что и подтвердило начальственной витиеватой подписью на заветном графике. Остаток холодной, нескончаемой зимы и всю тускло-грязную московскую весну ты гредишь о ласковых морских волнах, жарком солнышке, о романтических приключениях под огромными южными звездами, счастливых и бездумных днях расслабленной лени, грустных или зажигательных блатных песнях, которые ты ненавидишь, но здесь, на побережье, они звучат почему-то очень органично, почти как гимн твоему заслуженному, выстраданному отпуску. Ты даже умудряешься находить в звучании трех нехитрых аккордов особенный кайф. Благодаря сладким грезам в преддверии отпускного драйва ты из последних сил умудряешься пережить это проклятое межсезонье, которое называется зима-весна. А потом начинается самое интересное. Наступает долгожданное тепло, и ты возвращаешься к жизни. Но не тут-то было. Сначала начинает лететь этот проклятый тополинный пух. Следом за ним вдребезги летит график отпусков, хороня под своими обломками все твои радужные мечты, надежды и планы.

Из твоих милых коллег, как из рога изобилия, начинают сыпаться разные объективные причины, по которым им необходимо в срочном порядке изменить свои, а следовательно, и твои планы. Один скоростно увольняется, у другого неожиданно заболели родственники, к кому-то гости пожаловали без предупреждения из далеких краев. То свадьба организовалась между делом у коллег, то похороны. Кавардак полный. В результате который год все, кроме них с Татьяной, осуществляют свои отпускные фантазии в удобное для них время. А они, как самые молодые, незамужние и не обремененные особыми житейскими проблемами, терпеливо ждут своей очереди и в результате постоянно отдыхают в «бре». Потом им, конечно, дружно сочувствуют, обещают на следующий год золотые горы, но наступает новый год, и ситуация повторяется, как в страшном сне. Меняются обстоятельства и причины, а результат остается прежним.

Вот и объясните, пожалуйста, девушке, как чувствовать себя счастливой или, по крайней мере, беззаботной? А тут еще и в личной жизни стойкий цейтнот. Кавалеры, словно стоворившись, дружно растворились в пространстве и вымерли в принципе, как класс. Конечно, известно давно, что под лежащий камень вода не течет. Необходимо шевелиться, делать определенные телодвижения, ходить в клубы, забросить ежевечерние посиделки перед телевизором, расстаться хоть на короткое время с уютным диваном. Надо что-то делать, чтобы наладить личную жизнь. Все это очень правильно, и Алина прекрасно понимает, что дождаться своего суженого, лежа на печке, а точнее, на диване, не получится. Другие времена на дворе. Счастливую жизнь необходимо ковать собственными ручками, только так. Но наступают выходные, а у тебя остается одно непреодолимое и стойкое желание – выспаться за эти дни да переделать мелкие домашние дела, накопившиеся за неделю.

Какая личная жизнь и тем более – ночные развлечения, когда после рабочего дня не остается никаких дамских сил? Они просто кончаются, испаряются к исходу дня. Это же сколько надо иметь мужества и стойкости, чтобы дать себе самого хорошего пинка и выбраться из дому в люди! Как правило, срабатывает совсем другой закон. И желание выспаться и отдохнуть побеждает все остальные добрые намерения, которые ты клялась в начале недели осуществить в выходные.

Мужики – тоже еще та история, они, если немного задуматься и провести небольшой анализ, довольно странная популяция. То ли вымерли все, как мамонты, то ли мутировали до неузнаваемости окончательно и бесповоротно. Взглядом сожрать готовы, а подойти, познакомиться, предложить что-нибудь приличное у них не хватает мужества. На работе вообще мужи-

ков нет, вокруг исключительно одни коллеги. Тоска полная и беспросветная. Так и живешь. Ловишь голодные мужские взгляды, причем почему-то основное внимание сосредоточено на твоём вырезе на груди, и с грустью понимаешь, что на этом грубая мужская мысль заканчивается.

Про блондинок еще шутят с умным видом, юмористы. Все от зависти и от собственного бессилия. Ха-ха, сегодня самая глупая блондинка впереди планеты всей. На себя бы посмотрели. Блондинки по сравнению с современными мужиками просто отдыхают. Измельчал мужик, если честно, практически вымер. Скоро, наверное, в зоопарке будут показывать последних представителей некогда славной мужской расы. Экскурсовод с умным выражением лица будет рассказывать внимательным посетителям о настоящих мужчинах, которые когда-то, в не очень далеком прошлом, населяли эту планету. Ценили любовь больше всего на свете, слагали талантливые и трогательные сонеты любимым, бились на рыцарских турнирах до смертельного исхода, совершали немыслимые подвиги и головокружительные глупости ради одного благодарного взгляда или неясного аванса на будущее от дамы сердца. Сегодня от этих инфантильных мужиков никакого действия не дождешься. Они любят и жалеют больше всего на свете самих себя. И в этом вся беда.

Купаются, маленькие, в своих проблемах и забыли напрочь, для чего их создала матушка-природа. Далеко ходить не надо. Например, у них на работе преобладает женское общество. Но нельзя сказать, что нет мужиков. Только, несмотря на возраст и статус, ведут себя мужчины довольно странно. Да, они стали гораздо ухоженнее, образованнее, по крайней мере ее окружение. Но что-то потеряло нынешнее мужское племя. От особой непонятного пола и происхождения настоящим мужиком и не пахнет. Все как на подбор томные и вялые, хотя и чистенькие. Ни один из них не способен не то что на подвиг – на мало-мальский поступок. Они, может быть, и не так уж плохи по сути своей, если подойти к вопросу с определенным пониманием. Но влюбляться в них точно не возникает ни малейшего желания, не волнуют, не будоражат кровь и воображение, уж слишком предсказуемы и скучны до зевоты все эти умытые клерки.

Время необузданных и безбашенных дискотек давно прошло. Конечно, они с Татьяной, дорогой подругой, далеко не старухи и выглядят на все сто, но уже, надо честно признать, не конкурентки длинноногим, неожиданно оформившимся недавним четырнадцатилетним гадким утятам, девочкам, которых никто всерьез не воспринимал еще пару-тройку лет назад. Теперь эти неуклюжие подростки неожиданно превратились из выпускниц классов средней школы в грудастых и длинноногих див. Где уж им с Татьяной, маленьким и компактным, возрастным, засидевшимся в девках, конкурировать с новоявленными Памелами Андерсон, у которых весь интеллект сосредоточился в бюстгальтере. Попробуй докажи этим странным мужикам, что есть на свете и другие ценности. У них же от одного взгляда на бюст четвертого размера крышу сносит напрочь, они немеют, превращаются в замороженных идиотов.

За плечами колледж, после этого практика, на которой ты показала себя во всей красе, и тебе сразу предложили неплохую работу. В восемнадцать лет это было круто, и ты сразу повелась на это предложение. Потом, вкальвая не по-детски, ты еще умудрилась закончить институт. В результате в твои двадцать четыре гола, как ни смешно звучит, у тебя неожиданно появился рабочий стаж. Уже успело набежать годиков несколько, как это ни грустно звучит. Это только с виду они с подружкой бодрые, ничем не обремененные малолетки, а ответственности у каждой о-го-го! И мозги уже совсем по-другому работают. Отпала охота безудержно колбаситься с ночи до утра под не очень хорошую, но зато жутко громкую музыку ради прикола и драйва. После тяжелого рабочего дня, а тем паче недели, преследует стойкое желание поскорее добраться домой и рухнуть в койку.

Вот и получается, что ответственности полный карман и маленькая тележка в придачу, а личной жизни никакой. Отсутствует эта пресловутая личная жизнь как класс. И ситуацию исправить в принципе невозможно. Собственного жилья нет и не предвидится, не советские

времена, чай, на дворе, а суровые рыночные отношения. Сколько ни зарабатывай, как ни экономь, купить квартиру в столице в принципе невозможно. Если только банк ограбить или неожиданно наследство получить. Но это все из области фантастики. Богатых родственников за границей не имеется, с законом вступать в конфликт нет ни малейшего желания. Вот и приходится в свои годики жить под родительским кровом в качестве вечного ребеночка.

У любимых родителей своя четкая программа. Они очень хорошие люди, Алина их очень любит, и они обожают свою дочь до самозабвения, но у мамы с папой довольно странное понятие о счастье. Им больше всего на свете хочется доченьку удачно выдать замуж да на дачу свалить в начале весны на весь сезон. Вот и вся родительская программа. Совсем свихнулись на своих дачных заморочках. Каждый год одно и то же. Начиная с февраля все подоконники в доме уставлены ящиками с рассадой. С маниакальной настойчивостью папа сажает семена, хотя овощи и фрукты в полном ассортименте повсеместно продаются круглый год. Борьба с этим явлением совершенно бесполезно. Папа будет улыбаться, соглашаться, проклинать все заботы и хлопоты, связанные с растениеводством. Но на следующий год ящики опять займут свое законное место. А папа будет зависать над ними, разговаривать с проклюнувшейся чахоточного вида рассадой, поливать, освещать, удобрять, лелеять хилые ростки и холить их с такой любовью, словно от этого что-то зависит. Полный кошмар.

Так, стоп, глупые мысли в сторону. Впереди заветный перекресток. Именно здесь уже довольно давно с замечательным постоянством происходит встреча с незнакомцем. Алина никому не рассказывает об этой милой мелочи. Ведь засмеют, и будут, между прочим, правы. Такое развлечение не вписывается в график взрослой девочки двадцати четырех лет от роду.

Пять дней в неделю она на этом непримечательном перекрестке встречает очень симпатичного молодого человека, который, видимо, тоже спешит на работу. Происходит непонятная история, наивная и смешная, на уровне пятого класса. Оба ждут этого мимолетного свидания, которое и свиданием назвать трудно, встречаются взглядами, словно влюбленные, и через мгновение расходятся в разные стороны. Поначалу такое рандеву придавало некоторый бодрящий стимул: мол, знай наших. Теперь, по прошествии довольно продолжительного времени, встречи превратились в ритуал. Красноречивый и заинтересованный мужской взгляд – это, конечно, замечательный стимул для жизни, укрепления бодрости духа и поднятия хорошего настроения на несколько часов. Но если серьезно, маловато в их возрасте для настоящего счастья одного взгляда. Интересно, сколько лет должно пройти, чтобы юноша наконец решился и нашел в себе силы хотя бы кивнуть или поздороваться? С такими темпами развития взаимоотношений человек должен жить хотя бы лет триста.

Алина столько времени томится в трепетном ожидании, когда этот скромняга проснется и решится на большее. Хотя... она прекрасно все понимает и особых надежд на знакомство с неуклюжим и робким до умопомрачения неизвестным не надеется. Но самое смешное, что она ждет встречи с замиранием сердца, словно школьница, страстно влюбленная в непонятого кумира. Алина и имя ему придумала. Про себя она называет застенчивого незнакомца своим Талисманом. С большой буквы. Раз не находит стеснительный юноша в себе сил познакомиться с девушкой, от вида которой у него загораются глаза, пусть остается хотя бы счастливой приметой.

Вот и сам Талисман собственной персоной летит навстречу, вид озабоченный, ага, не видит ее пока, волнуется. Сегодня нет никакого желания участвовать в ежедневном утреннем мини-спектакле. Вот чучело огородное, увидел наконец. Аж вспыхнул от радости. Ой, что такое? Мы улыбнулись, какой прогресс. С каменным лицом, не поднимая глаз, Алина прошла мимо. Ничего, перебьется, скромняга нерешительный. Нет у нее желания с перекошенным лицом, хлюпающим носом и отвратительным настроением играть в гляделки на улице. Пусть идет своей дорогой. Хоть и симпатичен, но больно нерешителен и скромнен.

Тем более что подруга и по совместительству коллега, Татьяна Домашнева, на всех порах несет с автобусной остановки через дорогу, машет руками, как сумасшедшая. Комок нерасстраченной энергии, открытая душа и замечательный человек. Есть у Танюхи небольшой недостаток – эмоции зачастую бьют через край без всякого удержу и душа открыта миру нараспашку двадцать четыре часа в сутки. Но недостаток ли это? Вопрос очень спорный. Зато ни подлости, ни зависти, ни подводных течений нет и камней за пазухой не держим. Хорошо, когда у тебя такая подруга.

– Опоздываем, – без всякого приветствия выпалила изрядно запыхавшаяся Татьяна.

– Здравствуй, дорогая, – довольно язвительно отозвалась Алина. – И кто тебя только воспитывал? Интересно же знать, тебя здороваться не учили в розовом детстве?

– Алиночка, тебе совсем плохо, да? – заботливо спросила Домашнева.

Вопрос приятельницы поставил Тихомирову в тупик. Тоже мне дипломат доморощенный. Вместо того чтобы извиниться и поздороваться, как принято у порядочных людей, неожиданно заботу решила проявить.

– Стрелки не надо переводить. Я тебе про одно, ты мне про другое. Конечно, плохо. Сама не видишь, какая я красавица нынче? – ворчливо ответила Алина и судорожно высморкалась.

– Тогда я не обижаюсь, все понятно. – В голосе подруги послышалось глубокое удовлетворение.

– Что тебе понятно? – Препираться с Танюхой с самого утра при плохом самочувствии не было особого желания. Впереди рабочий день, миллион проблем. Нечего зря энергию растрачивать. Тем более что проклятое чиханье отбирает все физические силы, как ни грустно. И помочь в этой медицинской истории ей никто не в состоянии. Дожить бы до вечера без потерь, и на том спасибо.

– Все очень просто. Я тебе сейчас объясню. Вот считается, что Бармалей – герой отрицательный, коварный по характеру и очень злобный, короче, самый страшный в мире человеконенавистник. А ты когда-нибудь задумывалась, почему он такой злощип на весь белый свет? Всех ненавидит и строит бесконечные козни постоянно хорошим людям? – Вид у Татьяны был многозначительный. Вопрос прозвучал более чем странно. Откуда у современной девушки в половине девятого утра в голове бродят подобные мысли? То ли человеку кошмарный сон приснился, то ли крыша отъехала ненадолго. Алина забеспокоилась о душевном здоровье подруги.

– От тебя, дорогая, можно свихнуться в одну секунду. При чем тут Бармалей? Особенно с утра и в понедельник. Мне больше думать не о чем, только о сказочных героях далекого детства. Чего это тебя так разобрало с утра? Спала плохо, или опять пьяный Мурашов ночью звонил? – Вопрос был провокационным, не стоило обижать человека из-за какого-то сказочного Бармалея. Но не удержалась.

– Дурочка, сейчас я все популярно объясню. Ты наверняка забыла одну маленькую деталь. Помнишь, что у несчастного, по сути, злодея постоянно болели зубы? Ему плохо было, он страдал бесконечно и непрерывно. Отсюда и исходит его агрессивность, злость на весь мир. Не может человек, у которого большие проблемы со здоровьем, быть мягким и пушистым. Он поневоле будет окружающих кусать. – Татьяна продолжила с необыкновенным энтузиазмом развивать свою глубокую мысль. Даже на Мурашова не отреагировала, проглотила без комментариев. Это прогресс, если честно.

– Это вот ты сейчас на меня намекаешь? Ты для этого поинтересовалась, как я себя чувствую? Чтобы обозвать Бармалеем? Хороша подруга, главное, что добрая очень. Все, ты меня достала. Предупреждаю, берегись. Тебе осталось жить ровно двадцать секунд.

– Все равно не убьешь, – беззаботно расхохоталась Домашнева. Хорошо смеяться от души, когда насморк не душит.

– Это еще почему? Легко. И суд меня, между прочим, оправдает. Я девушка, измученная аллергией, к тому же еще нахожусь в состоянии аффекта. Практически я ничем не рискую.

– Во-первых, у нас с тобой гора отчетов впереди. Что ты будешь делать одна, без моей помощи? А во-вторых, за выходные мне пришла в голову совершенно гениальная идея, – гордо доложила Татьяна. Похоже, что у Домашневой было отличное настроение. На едкие замечания и угрозы она не реагировала.

– Представляю, – уныло, без капли энтузиазма и всякого интереса ответила Тихомирова.

– Ничего ты не представляешь. Поскольку с отпусками началась обыкновенная чехарда и нам с тобой опять светит впереди только денежка с дырочкой, надо как-то брать ситуацию в руки и спасаться самостоятельно, – уверенно заявила Татьяна.

– Свежая мысль. Сейчас придем на работу, дружно напишем два заявления об уходе и отправимся отдыхать на все лето, а также осень, зиму и весну. Мысль не очень позитивная, но греет необыкновенно, не находишь? – А что еще можно ответить на подобные рассуждения? В данном случае сопротивляться обстоятельствам – все равно что плевать против ветра. Только душу разбередишь, а толку никакого.

– Зачем же так кардинально, минорно и непозитивно? Работу бросать пока не будем, у нас нет мужей-олигархов, девушки мы самостоятельные и надеяться нам, кроме как на себя, не на кого. Поэтому твоё предложение не будем рассматривать в принципе. Уволиться очень заманчиво, конечно, особенно в начале лета, но, на мой взгляд, такой поступок – шаг преждевременный и исключительно нерациональный на сегодняшний день. Но мы себе легко, без всяких проблем можем организовать небольшие каникулы. И я знаю, как сделать, чтобы и овцы были целы, и волки сыты. – Фраза прозвучала многозначительно, почти торжественно, словно Татьяна действительно нашла ключ к решению многих проблем и сейчас готова поделиться своими открытиями.

– Летние? Каникулы? – Тихомирова хмыкнула почти презрительно. – Забудь ты это слово. Каникулы только у несмышленишей бывают, а мы с тобой, дорогая, из этого счастливого возраста давно выросли, забыла? Для нас с тобой слово «пенсия» уже гораздо ближе и роднее, чем слово «каникулы». Опять же руководство обрадуется, когда узнает о наших творческих планах. Я представляю реакцию, мало точно не покажется.

– Да при чем тут руководство? Ты вечно спишь в одном ботинке. А тем временем календарь открывает перед нами совершенно роскошные перспективы.

– Я ослышалась или сошла с ума? Кто и что перед нами открывает? Календарь? Домашнева, ты что, пьяная с утра? А ну дыхни!

– Отстань от меня, зануда, слушать умеешь? Так слушай. У нас впереди двенадцатое июня, правильно?

– И что?

– А ничего, ты забыла, что теперь это государственный праздник и, следовательно, что? Правильно, выходной. А в этом году он у нас приходится аккурат на пятницу. Получается совершенно чудная картина. Берем по отгулу в четверг. Плюс три законных выходных. Получается целых четыре дня, которые мы можем провести с пользой и в свое полное удовольствие. На море, конечно, ехать бессмысленно, это ясно. Вот думала я, думала, и меня озарило. Мы с тобой встанем с дивана, соберем вещички и махнем на выходные в Питер.

– Думала долго? – саркастически хмыкнула Алина.

– Зря иронизируешь. На самом деле два выходных дня потратила, перебрала десятки вариантов. Питер – самая лучшая идея. Я уже с десятков турагентств обзвонила. – Танюха чуть сникла, но Алина слишком хорошо знала характер своей подруги, чтобы эту самую малость не заметить.

– Неужели уже все поделала? – подозрительно спросила она.

– Да не все так просто, подруга. Путевок полно. Экскурсии, размещение в гостиницах, билеты туда и обратно, сервис просто отменный. Любой каприз за ваши деньги. Но цена вопроса какая-то ненормальная. За такие бабки, которые они просят, можно неделю в Египте

животы греть, наслаждаться арабским сервисом и в море плескаться до одурения. Совсем обалдели хапуги проклятые, если честно. Пьют кровищу из трудового народа без зазрения совести.

– Значит, поездка отменяется? – с надеждой спросила Алина.

Она очень хорошо знала свою подругу. Если та втемяшит себе что-то в голову, берегись. Расхлебывать придется всем окружающим. Со своим задором и энергией Татьяна кого угодно способна втянуть в авантюру. Очень хорошо, что ее замечательную идею на корню свели на нет аховые цены. По крайней мере, бороться не придется и объяснять очевидные вещи.

– Ничего не отменяется. Ты меня плохо знаешь, – с видом победительницы возразила Домашнева. – Кроме туристических агентств, в Москве у каждого человека существует огромное количество родственников, знакомых и просто хороших людей. У кого-нибудь из них обязательно найдутся знакомые или дальняя родня, в общем, добрые и замечательные люди в Санкт-Петербурге, которые с удовольствием за умеренную плату приютят на троечку дней двух молодых, порядочных, красивых и вполне платежеспособных девушек. Тем более что докучать мы им не будем. И запросы у нас минимальные. Нам же только переночевать – и все. Основное время суток мы будем находиться в свободном полете.

– Потрясающе. Мой домашний телефон тебе, конечно, неизвестен, равно как и мобильный. Я же все время вне зоны доступа, провожу законные выходные в Антарктиде. Ты приняла решение за двоих, все обтяпала и теперь ставишь меня перед фактом, я правильно понимаю? Посоветоваться со мной у тебя не хватило времени, да, дорогая? – Татьянин напор разозлил Тихомирову. Идея с поездкой сама по себе не так уж и плоха, только почему эта красавица не удосужилась обсудить свои гениальные придумки с ней?

– Я всегда знала, что ты, кроме того что благородная, еще и очень благодарная. Но я не обижаюсь, я давно привыкла к твоему брюзжанию. Вместо того чтобы прыгать от радости, ты сразу начинаешь ныть и ворчать, словно тебе сегодня исполняется сто лет в обед. Что с тобой дальше-то будет, не задумывалась? Все тебе вечно не так, все не этак. От твоего рационализма подташнивает.

Алина ответить на выпад подруги не успела, потому как пришлось чихнуть три раза подряд.

– Будь здорова, – с мрачным видом пожелала Татьяна. – Вот и сиди в своей квартире все выходные, чихай себе на здоровье, сопли на кулак наматывай и жалей себя изо всех сил. А в Питере сейчас такая красота, – мечтательно продолжила она, – белые ночи, погода прекрасная, фонтаны, музеи, каналы... И кстати, вполне возможно, что аллергия твоя останется на исторической родине. Так часто бывает, мне рассказывали. Как только человек уезжает из родного города, сразу выздоравливает, а возвращается – и опять все по новой. Представляешь, какая красота. Никакого насморка, глаза не слезятся, ты вся из себя красивая и счастливая, бродишь по прекрасному городу и получаешь море удовольствия. А вокруг на фоне архитектурных красот и величественных памятников бродят толпы молодых и неженатых мужиков, которые страстно мечтают познакомиться с двумя прелестными незнакомками. – Мечтательный голос Татьяны заставил Алину улыбнуться. Фантазерка.

– Ладно, посмотрим. – Алина решила, что не стоит спорить понапрасну. Скоро сама поймет, что это все полная ерунда, мимолетные мечты на досуге.

– Чего смотреть? Если решили ехать, надо уже шевелиться. Думаешь, мы одни такие умные? Да сейчас столько народу в Северную столицу ломанется, что мало не покажется. О билетах надо заранее побеспокоиться. Собраться опять же. Ой, смотри, мужчины! – Увидев группу молодых людей, Домашнева мгновенно поменяла тему.

– Сколько можно тебе объяснять, что это банковские клерки. Среди них нет мужчин, по крайней мере для нас с тобой, – тоном уставшей учительницы отозвалась Тихомирова.

– Это правда, – быстро согласилась Татьяна. И тут же продолжила атаку, не собираясь расставаться с идеей осуществить задуманное. Видимо, желание совершить приятное путеше-

ствие захватило все ее помыслы. – Ну, я тебя уговорила? Алинка, соглашайся. Я сама за билетами на вокзал сгоняю. Для меня это не проблема.

– Я подумаю. И не дави на меня, я тебя очень прошу. Я вся из себя обессиленная аллергией, еще ты вдобавок меня мучаешь. Налетела с самого утра. Дай хоть опомниться.

– Думай, тугодум, думай. Сиди в этой тополиной Москве, глотай канцелярскую пыль. Пожалуйста. Мне нисколько не жалко. Укрепляй свое расшатанное здоровье у монитора. Изображай усталость и ныряй из депресняка в депресняк. Вот что тебе мешает согласиться? Идея-то замечательная. На диване будешь три дня валяться или поедешь на дачу вкалывать до изнеможения? Перспектива одна другой краше. Ни детей, ни плетей, мужиков всех разогнала. Свободна, как птица в полете. А все ноешь, ноешь и счастья своего не ценишь. До завтра я еще подожду, так и быть, пойду тебе навстречу. Но только до завтра, – пригрозила Домашнева. – Допрыгаешься со своей нерешительностью. Одна поеду, узнаешь тогда.

Хорошо, что наконец добрались до кабинета. Спор затих сам собой. Начался обычный рабочий день, закрутился, покатился. Болтать и строить планы на будущее стало некогда. Глазом не успели моргнуть, как наступило время собираться домой. Ну и денек, честное слово. Даже пообедать не удалось.

На следующий день, ближе к обеду, Татьяна продолжила атаку.

– Что молчим и делаем вид, что ничего не происходит? – задала она невинный вопрос, когда подруги спустились в буфет попить кофейку и перекусить. Проще и быстрее было бы выпить пресловутую чашку на рабочем месте, не отходя от монитора, но это было строго-настрого запрещено рабочим регламентом.

– Ты о чем? – рассеянно спросила Алина. Она только что откусила кусочек от аппетитного пирожка, поэтому особого желания болтать с подругой не испытывала.

– Здравствуй, Марья, я твой Яков. – Возмущению Домашневой не было предела. – Можно подумать, ты у нас доктор наук, как минимум. Тебя постоянно посещают гениальные мысли, будоражат твое неординарное сознание. Где уж тут подумать о простых вещах. Об отдыхе, например. Отвечай быстро, мы едем в Питер или нет? – строго спросила Татьяна.

– Во-первых, нам никто не даст отгул, – стала вслух размышлять Алина.

– Ерунда. Это я беру на себя. Сама пойду к начальнику сектора и договорюсь, можешь не сомневаться. Пойми, подруга, у нас отгулов накопилась тьма-тьмушая. Руководство же прекрасно понимает, что рано или поздно им придется пойти на такой шаг. Система не нами придумана. А во-вторых? – подозрительно и довольно ехидно спросила Татьяна.

Алина отхлебнула кофе и чуть не расхохоталась. Вид у Татьяны был воинственный, почти угрожающий. Огромные карие глаза сверкают, на щеках румянец пробился, даже обычно аккуратно уложенные волосы сегодня выглядят непривычно. Несколько непокорных прядей выбилось из прически, и это придает подруге залихватский и бесшабашный вид. Маленькая разбойница в чистом виде.

Действительно, наверное, Татьяна права. Сколько можно киснуть в душном офисе и барахтаться в море мелких, но порой неразрешимых проблем и в водовороте вздорных дамских настроений. Вкупе с аллергией получается бесславный результат. А если действительно забить на все и устроить себе небольшие каникулы? Изо дня в день сидишь на работе, несешь на своих нежных плечах такой груз ответственности, словно ты как минимум министр финансов. А жизнь проходит мимо. Кроме работы, даже по закону, любой человек имеет право на отдых и развлечения. Глупо сгинуть в расцвете жизненных сил на пороге собственного двадцатипятилетия на банковской ниве, да еще в самом начале лета. С отпуском опять облом, так почему не решиться устроить себе отличные выходные? Надо попробовать полюбить себя, как советуют психологи и дамские журналы, и устроить маленький праздник жизни.

– А во-вторых, – Алина выдержала многозначительную паузу и широко улыбнулась своей нетерпеливо ерзающей на стуле взъерошенной подруге, – во-вторых, я не вижу причин, которые могут нам помешать осуществить твой замечательный план.

– Ура! Наконец-то! Я не знаю, как танцуется зажигательная джига, но сейчас сбациаю ее немедленно, прямо здесь, на глазах изумленной публики. Алинка, ты молодец!

– Успокойся, пожалуйста. На нас и так уже косо посматривают. – Тихомирова попыталась одернуть подругу, но куда там. Домашневу эмоции на части рвут.

– Это все от зависти, Алиночка, все от зависти. Мы же красавицы, независимые, умные, модные и самостоятельные. Молодые к тому же. Это не может не вызывать естественное чувство глубокой зависти, особенно у женской части нашего славного банка. Все закономерно и само собой разумеется. Я тебя обожаю. Я не сомневалась, что у тебя хватит ума и решимости оценить мою идею. Ура! Свободу замученным невольничьим банковским трудом красавицам! – Сделав страшное лицо, радостно, но не очень громко на всякий случай продекларировала Домашнева.

– Все, началось. Понеслась душа в рай, а ноги в милицию. На своего любимого конька села, теперь тебя не остановить. Допивай кофе, звезда местного масштаба, пошли строить светлое капиталистическое будущее. А то дадут нам отгулы, как же. А потом еще раз догонят и опять дадут. – Алина вздохнула и поднялась со стула.

Глава 2

Начало путешествия не предвещало ничего хорошего. На вокзал подруги примчались с пеной на губах, когда до отправления поезда оставалось пятнадцать минут. Собираясь в Питер на несколько дней, единодушно пришли к единому мнению, что выпендриваться особо не стоит. Придется много ходить пешком, значит, модельные туфли из списка нужных вещей вычеркиваются сразу. Вечерние наряды тоже. Поэтому экипировку выбрали строгую – джинсы, кроссовки, пару маек, прихватили на всякий случай ветровки. Питер – город непредсказуемый в погодном отношении, особенно летом. Рассчитывать на необыкновенные любовные приключения, неожиданные роковые знакомства не стоит, поэтому какой смысл тащить с собой весь гардероб, кого потрясать и покорять своим тонким вкусом и финансовыми возможностями?

На вокзале стали выясняться некоторые милые подробности. Алина была готова к тому, чтобы удушить подругу немедленно. Оказывается, в целях экономии эта красавица купила билеты не на комфортную «Стрелу» и даже не в спальный или хотя бы купейный вагон. Придется всю ночь трястись в плацкартном вагоне, по-пролетарски, с огоньком. Класс, особенно если по закону бутерброда «повезет» с попутчиками. Половина вагона будет храпеть, оставшаяся часть – глушить водку. Здоровый сон и чудный отдых обеспечены на сто процентов. Спасибо чокнутой подруге. Что помешало взять билеты в спальный вагон? Ехали бы как принцессы. Никаких соседей, спокойно выспались бы и приехали в Питер свеженькими, отдохнувшими. Нет, сэкономила сиротка несчастная на собственном комфорте. Наверное, мало получает. Миллион доводов привела, чтобы оправдать неизвестно откуда взявшуюся скупость.

– Ты с ума сошла? – припихиваясь в вагон, шипела Тихомирова. – Да здесь два часа и то невозможно провести. А нам целую ночь ехать. Как тебе в голову пришла такая гениальная мысль? Доверить тебе ничего нельзя.

Хотелось плюнуть на все, развернуться и поехать домой немедленно. Настроение было испорчено с самого начала.

– Да чего ты хнычешь? Тоже мне московская штучка. Всего-то одну ночь ехать, подумаешь, не съест тебя никто, – как могла, отбивалась от нападков подруги несгибаемая Татьяна. – Будь попроще, и люди к тебе потянутся. Откуда в столь юной особе столько снобизма, не понимаю. Не человек, а барыня на вате.

– Ты вокруг людей видишь? Я лично нет. И мне не надо, чтобы ко мне тянулись. Почему тебя вечно пробивает на подвиги? И я тоже умница, не догадалась проверить билеты. Ничего тебе нельзя поручить. Вечно у тебя все шиворот-навыворот.

Тихонечко переругиваясь между собой, девушки добрались до своих мест. В эту же минуту поезд тронулся. У Алины не хватило решимости и времени повернуть обратно, а зря. Вокруг не люди, сплошные монстры и упыри. Но на этом счастье не закончилось, это были еще цветочки. Наличие потусторонних сил в вагоне и громкий детский плач еще можно пережить, даже к запаху можно постепенно привыкнуть. А вот как справиться с неукротимой и дикой толпой под названием «дембель – весна-2007», каким образом умудриться дожить до утра в таких экстремальных условиях, кто-нибудь сможет объяснить?

По вагону, словно в кошмарном бреду, в безостановочном дембельском угаре бродили молодые, полные сил, накачанные алкоголем и воздухом свободы мужики. У них был праздник жизни, который заставлял остальную часть пассажиров опасаться за свое существование и здоровье. Картинка с выставки. И самое смешное, что бежать некуда. Поезд равнодушно постукивает колесами. Ему хорошо, что у него расписание, уж он-то точно прибывает в пункт назначения целым и невредимым, потому как железный. И его совершенно не интересует, что в вагоне творится полная вакханалия.

Такого драйва Алина в своей жизни еще не испытывала. Все попытки затаиться, свернуться калачиком под одеялом и сделать вид, что ты ни при чем и тебя здесь нет, не привели к положительному результату. У оголтелых мальчигов, несмотря на опьянение, глаз был остер, а нюх у каждого как у хорошей гончей. Им всем хотелось праздника сейчас, немедленно, а какой настоящий праздник жизни без женщин. Ничто не могло остановить их в неукротимом желании обрести счастье сию секунду, оторваться по полной программе за два года, вычеркнутые из жизни. Их желания понятны, но выйти, например, пардон, в туалет в такой ситуации равносильно самоубийству.

Проводники, умудренные жизненным опытом, предусмотрительно закрылись в своем купе, как в надежном блиндаже, и признаков жизни не подавали. Правильная позиция, своя рубаха ближе к телу.

Куча изрядно пьяных, неугомонных мужиков, совершенно обалдевших от ветра свободы, всю ночь хаотично металась по вагону. В этих молодых и здоровых телах было столько неукротимой энергии, что с большим трудом верилось в то, что их целых два года нещадно гнобили, унижали, заставляли копать окопы, мерзнуть, бегать, стрелять, морили голодом. На дистрофиков мужчины похожи не были. А уж энергией, которой они искрились, можно было бы обеспечить всю Якутию в течение долгой зимы.

Аншлаг у подружек получился обвальным и оглушающим. Еще ни разу в жизни им не приходилось ощущать себя в роли звезд местного кордебалета. Всякое, конечно, за двадцать пять неполных лет случалось, не без этого. И дорогущее шампанское незнакомые мужчины презентовали с трепетом в знак глубокого уважения к красоте неземной в ночных клубах, и машины крутые тормозили в неположенных местах с заливчатским шиком, но чтобы такое! Мама миа!

Подружки держали оборону как могли. Не сговариваясь, в едином порыве молниеносно включили особенный режим под названием «выдержка и терпение». Сработал-таки условный рефлекс. Еще бы, во-первых, жить очень хочется, а во-вторых, родной банк научил выстраиваться правильно в любой самой сложной ситуации. Особо буйных кавалеров безжалостно одергивали и ставили на место. С теми, кто еще был способен что-либо понимать, мирно беседовали за жизнь.

Спасибо судьбе, что, кроме них двоих, в вагоне ехала компания пятнадцатилетних девчонок из какого-то московского кулинарного колледжа на экскурсию в славный северный город. Несовершеннолетние барышни несколько разбавили ситуацию и сняли напряжение. Малолетки пищали и млели от счастья. Еще бы! Они вдруг почувствовали себя взрослыми дамами, купающимися в мужском обожании. Бедным дурочкам было невдомек, что дело совсем не в их чарах и прелестях. Слабые картофельные ростки без особых признаков интеллекта захлебывались от счастья и ощущения собственной женской значимости. Убогие маленькие девочки, мечтающие все как одна о принцах и неземной любви, не зря перед поездкой в город дворцов и фонтанов выкрасили ногти в фиолетовый цвет и изуродовали себе глаза черным карандашом. Бледная до синевы от ужаса происходящего, пожилая классуха, которую бдительная родительская и педагогическая общественность наладила следить за несовершеннолетними чадами на время экскурсии, находилась на грани глубокого обморока, но кого волновали переживания старой наседки?

Для девиц на выданье, особенно тех, кто страстно мечтает о замужестве или кого грызут страшные сомнения в собственной неполноценности, кто страдает от невостреманности и изнурительного одиночества, есть рецепт один и очень простой. Нужно разориться раз в жизни на билет в плацкартный вагон и сесть в поезд, в котором едут домой демобилизованные защитники Отечества. Все комплексы как рукой снимет раз и навсегда. Успех и уверенность в себе будут обеспечены на всю оставшуюся жизнь. Заодно, если уж очень хочется, можно легко и скоропостижно сходить замуж.

Вместо того чтобы спокойно выспаться в поезде, подругам пришлось всю ночь держать круговую оборону по всем правилам боевого искусства. Сэкономили, что называется, причем на собственном здоровье. От запаха казармы, крепкого дешевого парфюма, перемешанного с потом молодых самцов, пьяных и глупых разговоров, мелькания белых аксельбантов и металлического разнообразия значков непонятного назначения на солдатской форме у подруг кружилась голова. Татьяну ситуация несколько не нервировала, она умудрялась кокетничать и глазками стрелять во все стороны. Алина чувствовала, что ведет себя подруга подозрительно и, кажется, сомнительное и обвальное мужское внимание доставляет ей удовольствие. Предательское поведение подруги раздражало ужасно.

Алина, в отличие от Татьяны, всю дорогу до Питера находилась на грани глубокого обморока и всепожирающего раздражения. Рассчитывать на то, что эта славная тусовка угомонится, не было ни малейшей надежды, приходилось терпеть и считать часы с минутами. Единственным позитивным моментом во всей этой глупой истории было то, что где-то часа через два после отправления поезда она с удивлением обнаружила, что может спокойно дышать. Проклятый чих закончился совершенно неожиданным образом, а глаза перестали слезиться. Выспаться бы еще после тяжелых рабочих будней. Куда там. Объяснить развеселой компании сошедших с ума от пьянящей свободы парней, что девушкам необходим элементарный отдых, было занятием бесполезным. Каким образом можно договориться по-хорошему с совершенно безбашенной компанией молодых и здоровых мужиков, вырвавшихся, наконец, на волю?

Спасибо судьбе, Небу, Провидению, что добрались до пункта назначения живыми и здоровыми, практически без потерь. Подруги выскочили на перрон с широко открытыми глазами, обалдевшие от ночного угара. Пришлось раздать всем кавалерам мнимые телефоны, адреса и наобещать впрок с три короба. Отбивались, как могли, только бы выжить и выйти из ситуации с честью. Хорошо, что при приезде возбужденная толпа молодых людей довольно быстро распалась на группки, потеряла всякий интерес к попутчицам и незаметно растворилась в людском потоке. Видимо, перспектива свободной и счастливой жизни на гражданке оказалась куда более заманчивой, чем продолжение знакомства с двумя не очень сговорчивыми московскими красавицами.

Шесть утра в городе на Неве, прекрасное летнее утро. Пригородные электрички выбрасывают на перрон толпы озабоченных, спешащих по своим делам людей. Город живет в обычном ритме, и никому нет дела до того, что две московские звезды вдруг вздумали осчастливить своим посещением Северную столицу. Алина пригорюнилась. Позади тревожная и бессонная ночь. Никакого удовольствия путешествие пока не принесло, кроме тревоги и беспокойной ночи. В реальности перед тобой неприветливый и суетливый вокзальный перрон чужого и, если честно сказать, довольно неприветливого города. Ощущение не из приятных. Сил никаких не осталось, больше всего на свете хочется принять душ и оказаться в теплой и уютной собственной постели. Ан нет.

Мечтали провести выходные с шиком – получите, девушки, как заказывали. Все тридцать три удовольствия налицо. Эмоции переполняют и зашкаливают, и в то же время спать хочется невыносимо. Хорошее получилось начало путешествия, нечего сказать. Если дальше события будут развиваться в подобном темпе, наступит полная катастрофа. Не нужны никакие белые ночи, и архитектурные прелести совсем не манят. За ночь, проведенную в вагоне, произошла некоторая переоценка ценностей. На фига нужны музеи, дворцы и прочие сокровища мира, когда ты мечтаешь о чашке кофе с такой страстью, будто это последнее желание в твоей жизни.

Девушки медленно, без всякого энтузиазма и сил брели по перрону в сторону вокзала. Алине казалось, что с каждым шагом жизненной энергии остается все меньше и недалек тот момент, когда она должна иссякнуть. Было так тошно, что даже разговаривать не хотелось. Первой нарушила молчание Татьяна.

– Ты знаешь, – томно и задумчиво, словно про себя, выдала она, – а этот Ленчик был очень даже ничего. Хорошенький такой. Ты видела его бицепсы? А глаза какие! Я таких не встречала. Глубокие, темно-карие, почти черные! – В голосе подруги явственно прозвучали мечтательно-восхищенные нотки.

– Рискуешь ты, подруга, по-крупному. – Алина от возмущения на секунду остановилась. – Совсем с ума сошла? Какой Ленчик? Я тебя предупреждаю по-хорошему: еще раз вспомнишь про кошмар, в котором нам пришлось принять участие, замечу, по твоей вине, я за себя не отвечаю. Небось умудрилась дать свой настоящий телефон этому красавчику? – с подозрением осведомилась Алина у поскучневшей подруги. – Ты лучше проверь, бумажка с питерским адресом цела? А то придется, чувствую, вечерней лошастью ехать домой. Я лично бомжевать и спать на вокзале не собираюсь даже ради всех красот мира, вместе взятых. В такой ситуации лучше купить комплект открыток. Сидишь себе дома в удобном кресле, рассматриваешь красоты и виды, потягиваешь кофеек, получаешь удовольствие – и риска никакого.

– Да что ты за пессимистка такая? Вечный нытик ты, Алинка, вот ты кто. Все тебе не так. Оглянись вокруг – жизнь прекрасна и удивительна. У нас впереди четыре дня и три ночи бесконечного отдыха и удовольствий в незнакомом и чудном городе. А ты ноешь, как бабка восьмидесятилетняя. Слушать противно. Не выпалась наша королева. Какое горе. Ничего, перебеешься, на пенсии отоспишься. Да пусть это будет последнее огорчение в твоей жизни. Перестань ворчать и улыбнись. Найдем сейчас кондитерскую хорошую, я слышала, их в Питере полным-полно. Выпьешь ты свой кофе. Вот проблема. По парочке пирожных съедим. Нам, девчонкам, очень даже полезно это делать по утрам. Настроение улучшается мгновенно, гарантирую. Рецепт проверенный. А адрес у меня записан не на бумажке, а в книжке телефонной, чтобы ты знала.

Вот так всегда. Татьяну ничем не проймешь и не остановишь. У нее особенный взгляд на жизнь и собственная программа. Воспитывать и одергивать ее бесполезно. Она подчиняется только личным желаниям и персональным импульсам. Какой смысл ругаться и выяснять отношения немедленно? С Танюхи все равно все нравоучения стекают, как с гуся вода, а себе можно настроение испортить окончательно, хотя куда уж хуже.

Как ни странно, Татьяна оказалась права. Подруги вошли в здание вокзала, и настроение у Тихомировой немного улучшилось. Во-первых, запахло родной Москвой, потому как вокзал оказался точной копией того, с которого они отправились в путь вчера вечером, только уютнее, что ли. Нет вечной столичной суеты и гвалта, народу меньше. Обилие закусочных и кафе очень даже приличного вида приятно будоражило воображение. Они завернули в первое понравившееся заведение, и следующие минут сорок провели прекрасно. Горячий шоколад, кофе, чудная выпечка, легкие завтраки на выбор, обилие десертов – просто рай земной. Чисто, обстановка современная, персонал внимательный. А цены как приятно удивили! Смехотворные, особенно по сравнению с московскими. И это на вокзале, где обычно дерут с клиентов втридорога. Потягивая любимый напиток, Алина неожиданно пришла к выводу, что не все так плохо, как ей казалось. Может, действительно надо относиться к некоторым вещам проще и не делать из всего трагедию. Все, как всегда, испортила Домашнева. Ей страстно хотелось обсудить с подругой события прошедшей ночи.

– Вот девки-дуры, особенно кому замуж невтерпех. Женихов ищут, долю клянут. С алкашами путаются, бомжей с помоек подбирают. Потом мучаются с ними всю жизнь. А все просто, как апельсин. Проехались разок-другой в одном вагоне с дембелями даже не ночь, достаточно несколько часов. Женихов море. И каждый из них готов сию минуту идти хоть в ЗАГС, хоть под венец. И парни все отличные. Потом, им уже армия не грозит, они свое отбабахали, – задумчиво философствовала Домашнева, не забывая поглощать пирожные.

В принципе Татьянины выводы ничем не отличались от ее собственных, но сколько можно бубнить об одном и том же? Когда наступит этому конец? Все, приехали. Слушать рассуждения сумасшедшей подружки у Алины не было ни малейшего желания.

– Все, поехали! – довольно резко оборвала она Татьяну.

– Ты чего? – Татьяна насторожилась, но, судя по боевому виду, сдаваться не собиралась.

– А ничего. Будем все четыре дня сидеть в кафе на вокзале? Нам ехать пора, забыла?

– Слушай, у меня гениальная идея. Может, прогуляемся по городу пешком? Заодно получится отличная пешая обзорная экскурсия.

– Нет уж, дорогая. Свои гениальные идеи держи, пожалуйста, при себе. Давай-ка определимся для начала с ночлегом, чтобы душа не болела. А потом начнем путешествовать, – твердо ответила Алина. Нельзя отдавать инициативу в руки этой экспрессивной особе. Придумала тоже! Тащиться через весь город пешком с вещами после бессонной ночи. Сумасшедшая. Еще неизвестно, где находится заветная квартира, сколько туда добираться и будут ли хозяева рады их видеть.

С такси проблем не возникло. Хорошо все оказалось с сервисом в славной Северной столице и относительно недорого. Два – ноль по сравнению с Москвой. И шофер попался вполне приличный дядька, к тому же коренной ленинградец и настоящий патриот своего города. Пока добирались до места, информации об истории города понахватались столько, что в голове образовался полный компот. Заветная квартира оказалась у черта на куличках. Какой там Старый город с колодцами дворов и петербургскими тайнами, ничего подобного. Обыкновенный спальный район, современный и безликий, лишенный всякого очарования и индивидуальности. Спасибо, что хоть станция метро неподалеку.

С некоторым волнением поднялись на седьмой этаж, нашли нужный номер квартиры. Татьяна без колебаний нажала на кнопку звонка. Алина не то чтобы особенно волновалась, но была готова к любому повороту событий. Если сейчас окажется, что Татьяна что-то напутала, она не удивится.

– Если сейчас дверь не откроют, сегодня же возвращаемся домой, – мрачно проговорила она.

– Не надо грязи, подруга. Все будет джаз! Слышишь? Не придумывай себе лишних проблем. Все давно схвачено и за все заплачено. Нас в этом доме ждут не дождутся, как самых дорогих гостей.

Действительно, по ту сторону двери слышались вполне ощутимые признаки жизни. Хозяйка квартиры, не задавая вопросов типа: «Кто там?» – открывала дверь. Смелые люди живут в городе на Неве, ничего не скажешь. Татьяна с видом победительницы глянула на подружку. Она ни на секунду не сомневалась в успехе предприятия.

Дверь распахнулась, и тут случилось такое, чего не бывает никогда, даже в самых замечательных фильмах. Подруги сначала обомлели, а в следующую секунду замерли, забыв обо всем на свете. Да и как не забыть: на пороге стоял молодой мужчина под названием «совершенство», да еще и в форме курсанта Морской академии. От такого зрелища любую даму на выданье кондрашка хватит. Красоты мужик был необыкновенной. Высок, белокур, широкоплеч, белозуб, пронзительно синеглаз – короче, Голливуд тихо курит в сторонке. Природа подарила человеку такую внешность, что ему в принципе можно было ничего не делать, только демонстрировать совершенство собственного тела и лица. А если учесть, что вся эта красота упакована в военный мундир, какая дама сможет остаться равнодушной? Дыхание перехватывает, и сердце сбивается с привычного ритма мгновенно. Одновременно охватывает паника, каким-то образом происходит онемение всех органов, наступает полное тупоумие, когда ты не можешь вспомнить и произнести обычные, приличествующие моменту слова.

Молчаливая пауза зависла в воздухе на неприлично длительное время. Москвички, мгновенно забыв, что они звезды и королевы красоты, глотали пересохшими губами воздух. Обе,

словно парализованные, мгновенно растеряли уверенность в себе, напрочь запаматовали, что они умницы и красавицы. Курсант-красавчик улыбнулся. Лучше бы он этого не делал. Последняя часть мозга уехала в неизвестную страну.

– Слушаю вас, – произнес он спокойным, уверенным и очень доброжелательным голосом. Первой сумела взять себя в руки Тихомирова.

– Видите ли... – запинаясь и краснея, как школьница, произнесла она. При этом ей пришлось сделать невероятное усилие для того, чтобы собрать свои мысли в кучку и соблюсти приличия. – Мы приехали в ваш город на несколько дней. – Алина беспомощно оглянулась на подругу, но та, кажется, забыла напрочь, что человек устроен таким образом, что должен иногда дышать. Девка просто обалдела. Поняв, что от подруги добиться поддержки будет довольно сложно, по крайней мере сию секунду, она продолжила: – Мы из Москвы...

Алина не успела договорить, как совершенство обрадовалось ужасно.

– Да-да, я в курсе. Мне тетушка говорила, что ждет гостей. Проходите, пожалуйста. Милости прошу. Тетушка вышла на минуту к соседке, но вы не волнуйтесь, она скоро вернется. Добро пожаловать.

Подруги на негнущихся ногах переступили порог квартиры. Никогда в жизни при виде молодого человека Алина не испытывала такого ошеломляющего чувства. Она действовала как робот. Со стороны в ее поведении не было ничего необычного. Она спокойно вошла в прихожую, поставила сумку, сняла кроссовки, все как всегда, но только она одна знала, каких невероятных усилий стоили ей ее движения.

А между тем в голове одна яркая картинка лихорадочно сменяла другую. За две минуты она довольно четко представила себя офицерской женой, готовой ехать за любимым на край света, хоть за Полярный круг или на Камчатку, к чукчам и белым медведям. Перед ней, как в странном сне, в бешеном темпе мелькали кадры ее собственной, трудной, но необыкновенно счастливой будущей жизни. Вот они с любимым ютятся в небольшой уютной комнатке офицерского общежития. Условия ужасные, нет горячей воды, за окном бесконечная полярная ночь, но им так хорошо вместе на этом маленьком островке счастья. Они спят, нежно обнявшись на узкой кровати. Им не холодно вместе и совсем не тесно, им обоим приятно ощущать друг друга каждым сантиметром тела. Любовь и нежность переполняют обоих даже во сне.

Вспышка и кадр второй. Она провожает любимого мужа в поход, машет с причала рукой, с трудом сдерживая наворачивающиеся слезы. Она страдает от предстоящей разлуки невероятно, но вместе с тем в ее сердце поселились такая любовь и нежность, что по-настоящему расставание на долгие месяцы ее не страшит. Скорее, это похоже на легкую и светлую грусть. Гремит духовой оркестр, на причале огромное количество народу. Ей не страшна разлука. Она знает, что дождется мужа и у них все будет замечательно.

Самое курьезное то, что Алина никакого представления о жизни в военном гарнизоне не имела и никогда не задумывалась, что это такое – жена офицера. Никто из ее окружения не служил в Вооруженных силах, и сердце ее отродясь не трепетало при виде бравых военных в мундирах. Она не разбиралась в звездочках, званиях, регалиях. Это была не ее история, военная сторона жизни ее не трогала. Но под гипнозом ярко-синих глаз она представила свою будущую жизнь в отдаленном гарнизоне в суровых краях с такой ясностью, что безумные по своей страсти и содержанию мысли не вызвали даже здоровой доли самоиронии. Она была счастлива там, в этом мелькании странных обрывков мыслей. Вот если бы сейчас, сию секунду, вопреки всем условностям, ей предложили совершить неординарный поступок, она не колебалась бы ни секундошки. Больше всего на свете ей хотелось выкрикнуть «да», хотя ей никто ничего не предлагал и не спрашивал ни о чем. Слава богу, удержалась. Хороша бы она была со своим безумным выкриком. Алина очнулась от странных грез и залилась густым румянцем. Ей было страшно неудобно за свои диковинные фантазии. Казалось, что незнакомец и Татьяна видят ее насквозь. Что это было? Наваждение? Или обрывки из старых добрых кинофильмов и книжек

про любовь? Скорее всего, она неправильно реагировала на события из-за бессонной ночи, вот и все. Слабое утешение, но это все-таки лучше, чем признаться в том, что она странным и довольно скоропостижным образом повредила рассудком.

Между тем события развивались своим чередом. Викинг-красавец в морском мундире провел их в комнату, которую приготовила для них его тетушка, и вежливо пригласил девушек к столу выпить с дороги чаю после того, как они освободятся. Потом вышел из комнаты и закрыл дверь с другой стороны. Побросав вещи на пол, толком не оглядевшись, подруги разом бросились к зеркалу.

– Нет, ты видала, какой красавчик? С ума свихнуться можно! – возбужденно зачастила Татьяна. – Если в этом Питере найдется хоть дюжина таких, я переезжаю жить сюда навсегда и немедленно. Чего молчишь?

– Я не молчу, просто, когда ты тараторишь, очень трудно бывает реагировать адекватно. Красавчик, не спорю. Ну и что? Ты же ничего о нем не знаешь. Может, он тупой, как сибирский валенок.

– Ага, все валенки как раз в Морской академии обучаются, им там самое место. Их без конкурса туда принимают. Ты хоть понимаешь, что такое морской офицер? Это образование – раз. Манеры – два. Иностранные языки – три. Загранкомандировки – четыре. Долгая разлука и вечная любовь в награду пару раз в году – пять. Ругаться некогда, он все время в каком-нибудь походе. Носки где попало не разбрасывает, не бухает, не канючит по пустякам. И так далее, и до бесконечности.

– Значит, бабник, – уверенно констатировала Алина. Она кривила душой, ей не хотелось так думать, но слова подруги заставляли ее выбрать именно такую линию поведения. Ей было крайне неприятно, что Татьяна в восторге от нового знакомого и не скрывает своего восхищения. Судя по выражению лица, Домашнева не собиралась упускать шикарный шанс и была намерена завести роман с красавчиком.

– Это с чего мы делаем такие скоропалительные выводы? Ты же человека первый раз видишь. Не стыдно быть такой злокой? – поинтересовалась Татьяна.

– Да включи ты мозги! При такой внешности невозможно быть порядочным человеком. Ему бабы наверняка с четвертого класса на шею вешаются.

– Я бы тоже с удовольствием на такой шее повисла, – томно и мечтательно вздохнула Татьяна.

– А Ленчик? – язвительно парировала Алина.

– Ты о чем? – очень искренне удивилась Татьяна. – Какой Ленчик? Тоже мне вспомнила какого-то Ленчика, когда тут такие кадры нарисовались? Ленчик ту-ту, проехали со свистом, вчерашний день. Милое приключение – и не более того. Ленчик теперь месяца два после возвращения домой гулять и квасить будет без памяти. Я думаю, что он уже сейчас наши имена забыл. Ему нынче все бабы подряд красавицами из сказки кажутся. И потом, разве можно сравнить тухлого дембеля, у которого довольно невнятное будущее, с готовым красавцем, к тому же морским курсантом-пятикурсником? Тут и обсуждать нечего. Слушай, подруга, ты как знаешь, а я лично буду бороться за этого питерского Аполлона в морской форме изо всех сил. Я таких мужиков еще на своем пути не встречала. Зацепил он меня, ох зацепил.

Судя по тому, с каким нешуточным остервенением Татьяна накладывала макияж, Алина поняла, что та не шутит. Опять неприятно царапнуло где-то в груди, так, чуть-чуть, но довольно чувствительно. Не хватало еще, чтобы из-за случайной встречи с красивым мужиком испортились отношения с подругой.

Она принципиально не стала краситься. Еще чего, много чести. Да, нечего кривить душой, она только что испытала эмоциональный взрыв невиданной силы. С ней такого раньше никогда не случалось. Нельзя судить о человеке по его внешности. Тем более что для мужика красота скорее недостаток, чем достоинство. Он наверняка избалован женским вниманием и

прекрасно знает себе цену. И потом, о чем напрасно страдать? Ты увидела человека десять минут назад, абсолютно ничего о нем не знаешь. Определенно, что у него есть любимая женщина, а может быть, и жена. Падать в обморок от внешности, совершенно не зная, какой у человека характер, что у него за душой, глупо и бесперспективно. Но как ни уговаривала себя девушка, какие доводы ни приводила, почему-то хотелось немедленно покинуть обе столицы разом и отправиться с викингом на край света без промедления. Мысли посещали дикие, хаотичные, неправильные.

На самом деле им очень повезло. Хозяйка двухкомнатной квартиры оказалась женщиной милой, приветливой и очень гостеприимной. Не успели они привести себя в порядок и оглядеться, как в дверь комнаты вежливо постучал безмянный красавец и пригласил девушек к столу. Он сообщил, что тетушка вернулась и ждет их с нетерпением. Отказываться от приглашения было бессмысленно, да и неприлично. Девушки не рассчитывали на такой сервис, им нужен был кров на некоторое время, возможность отдышаться после трудных походов, и не более того. Но при сложившихся обстоятельствах ни у одной из подруг не возникло желания отказаться от любезного приглашения. Хозяйкой квартиры оказалась женщина лет шестидесяти пяти, довольно приятной наружности. Простое русское лицо, доброжелательная улыбка, манера говорить негромким голосом, неторопливость в жестах располагали сразу. И имя у нее оказалось простое, незамысловатое – Людмила Викторовна. Красавец тоже представился, фамилия у него была самая обыкновенная – Воробьев, зато имя чудесное – Виталий.

Все выглядело как на параде. Накрытый стол уже ждал московских гостей. Гостеприимная хозяйка квартиры или что-то перепутала, или от рождения была дамой исключительной интеллигентности. Она отнеслась к подругам как к собственным дочерям, не больше и не меньше. Заботливо усадив девушек за стол, подкладывала попеременно каждой из путешественниц лучший кусок и наливала крепкий чай, с искренним интересом выспрашивала новости о своих московских то ли родственниках, то ли знакомых. С одной стороны, такое внимание чужого человека было крайне приятным, но, с другой стороны, приехали они в славный город несколько с другой целью. Потом, откровенно говоря, людей, давших питерский адрес, Алина не знала. Всю инициативу с проживанием в чужом городе Домашнева взяла на себя.

Судя по неуверенным и уклончивым ответам подруги, которая затруднялась ответить на элементарные вопросы о здоровье и делах московской родни милой Людмилы Викторовны, ей стало понятно, что Татьяна с трудом представляет, о ком идет речь. Выкручивалась она очень отважно, хотя ей явно не хватало профессионализма. Алина не могла понять, то ли девочка действительно не была знакома с предметом беседы, то ли ее смущало присутствие за столом молодого красавца.

Она, перешагнув порог гостеприимного дома, точно чувствовала себя не в своей тарелке. Тихомировой было крайне некомфортно. Татьяна егозила, как сумасшедшая, пытаясь изо всех сил привлечь к себе внимание белокурого Аполлона. Она ловила себя на мысли, что поведение подруги раздражает невероятно. Ей никогда не приходилось ревновать кавалеров к подругам. Не предоставляла ей судьба такого случая. И за Таньку она готова была любому горло порвать. И вдруг сейчас, за завтраком, в чужом городе, в ее душе поднялись такие волны неприязни и раздражения против подруги, что захотелось забыть о дружбе в один миг. Это неправильно и нечестно. В первую очередь по отношению к Татьяне. Она же знает ее как облупленную. Какой смысл обижаться на лучшую подругу, даже если она напропалую флиртует с мужиком, который тебе понравился. Домашнева не знает, что ты пропала, как только открылась ничем не примечательная дверь. Ты с ней своими ощущениями и восторгами не делилась. Так какого рожна ты подпрыгиваешь на стуле и бесишься потихоньку, баюкая ненависть, которую не знаешь, куда направить?

Никакие увещевания и одергивания не действовали. Алина замкнулась в себе окончательно, тихонько потягивала чай и не испытывала ни малейшего желания участвовать в ожив-

ленном общем разговоре. Единственным ее желанием было поскорее закончить со всеми этими московско-питерскими экивоками и вырваться на волю. Раз приехали любоваться красотами города, так тому и следует быть. Не хватало еще рассориться с единственной подругой из-за внезапно нарисовавшейся белокурой бестии в морском мундире. Надо заканчивать со всеми реверансами, пора отправляться в город. И никакой красавчик не должен поставить между ней и Татьяной барьер непонимания и затаенной ревности, это было бы слишком пошло. Наверное, правильнее всего забыть свой минутный фантазийный бред о жизни с мужем-офицером в отдаленном гарнизоне, тем более что это просто больная фантазия на фоне бессонной ночи – и не более того. И вообще, правильнее всего сейчас отбросить эмоции и заняться настоящим делом. Они приехали познакомиться с городом и полюбоваться его красотой. Вот именно так и стоит поступить. Вовсе не беда, если Татьяне захотелось пофлиртовать с молодым и красивым мужиком, не стоит так нервничать. У нее и так жизнь не сахар. Если вспомнить ее Мурашова, волосы сразу дыбом встают.

Мурашов – это отдельная, очень грустная и удивительно долгоиграющая история. Нудная, примитивная и, на взгляд Алины, совершенно бесперспективная. Проклятый гад Мурашов уже почти восемь лет морочит бедной девке голову. Эта дрянь не дает Татьяне жить, дышать и спать спокойно. Такую приобрел власть над Домашневой, что страшно сказать. Манипулирует ее чувствами, как ему хочется. Жениться не собирается, это точно не входит в его планы. И в то же время упрямо, по-садистски, не отпускает веревки, на которых Татьяна болтается с обреченностью бесправной марионетки уже который год. Если все это безобразие называется любовью, то гори она, эта любовь, синим пламенем.

Алина ненавидит Мурашова всеми фибрами души, и чувство это вполне оправданно. Во-первых, этот урод старше Татьяны на десять лет. По житейским меркам зазор неплохой, он обычно дамам дает по жизни замечательную фору, прибавляет уверенности в себе и повышает личную самооценку. Но только не в этом случае.

Их роман начинался очень бурно, страсти кипели поистине неземные. Мурашов не давал Татьяне ни малейшего шанса опомниться или глянуть в сторону. Налетел на девку аки коршун. С его стороны бушевали шторм и натиск такой сокрушающей силы и умения, что молодой девчонке снесло крышу от внимания и обожания взрослого мужчины в один миг и навсегда. У Татьяны выхода не было. Она оказалась заложницей обстоятельств, вечных, как мир. Девочка искренно влюбилась во взрослого мужчину, который очень выгодно отличался от ее ровесников, и пропала. Еще бы не пропасть. Пока ее ровесницы гуляли под луной по улицам родного города за ручку с такими же юными сокурсниками, как они сами, у ног Домашневой уже был целый мир. Ей дарили шикарные букеты, ее встречали из колледжа на хорошей машине, приглашали в фешенебельные рестораны, ей открывали дверь во взрослый, загадочный мир, в который страстно хотелось попасть поскорее.

Сокурсницы завидовали Домашневой самой страшной завистью. И только Алина понимала, что дела у подруги складываются далеко не лучшим образом. Она одна знала, что взрослый мужчина женат. Брак у него случился ранний и, по его словам, крайне неудачный, что, впрочем, не помешало ему обзавестись наследником. Из семьи он ушел, вернее, его ушли. Мир не знает героинь, кроме ее чокнутой подруги, способных терпеть рядом с собой настоящее чудовище. Алина прекрасно понимала эту незнакомую женщину. Это Татьяна при любых обстоятельствах и условиях находила миллион резонов, чтобы оправдать не очень красивое поведение любимого. Ей бы не финансистом быть, а адвокатом. Достигла бы необыкновенного карьерного роста.

Мурашов вцепился в девчонку мертвой хваткой. Он ей не то что опомниться или в другую сторону посмотреть не дал возможности, он дышать не позволил. Как только Татьяне исполнилось восемнадцать, они сняли квартиру и стали жить в так называемом гражданском браке. Но счастье, о котором захлеб мечтала Домашнева, оказалось кратковременным. Про-

жили они в общей сложности месяца три, и Татьяна при этом не выглядела счастливицей. Мало того что все бытовые проблемы были взвалены на ее плечи, суженый оказался ревнивой и довольно привередливой скотиной. Он требовал к себе исключительного внимания, капризничал по пустякам и гнобил девуку изо всех сил. Татьяна не жаловалась, не ныла, тащила бремя гражданского сожительства с героизмом декабристки. Но Алина не дура. Ей не нужны были подробности и детали, чтобы представить эти веселые картинки в действии. Если честно, она несколько иначе представляла себе семейное счастье. У Татьяны даже характер изменился. Она умудрилась за столь короткое время превратиться в замкнутое и издерганное существо. От ее жизнерадостности и вечного оптимизма остались одни воспоминания.

У Мурашова были свои правила, которым он следовал неукоснительно. Правило номер один гласило: нечего встречаться с незамужними подругами. Они все сплошь вертихвостки и ничего не понимают во взрослой жизни. Об остальных и вспоминать не хочется.

Потом наступил разрыв, который Татьяна пережила с огромным трудом. Мурашов совершенно неожиданно вспомнил о своем родительском долге и решил вернуться в семью. Там действительно сложилась довольно трудная ситуация. Ребенок тяжело заболел, и со стороны отца шаг был вполне оправданным и благородным, если это слово можно употребить по отношению к безответственному эгоисту.

Это был кошмар и настоящий ужас без комментариев, о котором и вспоминать не хочется. Домашнева страдала невероятно, не хотела жить и каждые пять секунд закатывала истерику. Никакие примеры, уговоры и увещания на нее не действовали. С ней невозможно было общаться, все разговоры рано или поздно сводились к теме разрыва, и Домашнева вновь начинала биться в истерике и прощаться с жизнью.

Сердце заходило от жалости к подруге, которая страдала не по-киношному, а очень даже по-настоящему, здесь и сейчас. И приходилось все свои дамские силы бросать на спасение Домашневой, сопереживать, участвовать и соответствовать. Не хилое занятие на самом деле. Вспоминать то время не хочется. Алинина грудь превратилась в жилетку вечного плача подруги о потерянной любви, не каждый выдержит подобное испытание. Терпела, утешала, взывала к разуму, старалась изо всех сил. Но ничего, потихонечку страсти улеглись, все постепенно начало возвращаться на свои места. Танюха стала понемногу оживать. Но не тут-то было. Только Татьяна вернулась к жизни, вспомнила, что способна улыбаться, тут же раздался звонок от рокового мужчины. Чует нюхом, гадина, ситуацию, просчитывает безжалостно и продолжает ставить на Домашневой свои садистские опыты. И безбашенная, влюбленная, словно кошка, Домашнева, мгновенно забыв обиды, унижения, страдания, ринулась в водоворот страстей по новой.

Танька, как загипнотизированная, брела на зов мурашовской песни «о главном» с видом покорной послушницы, сжигаемая страстью гаремной маньячки уже много лет. И ничего ты с этим не поделаешь, проверено и испытано не один раз. Бабская натура, постоянно алчущая любви, обожания и семейного, тихого гнездышка, – это страшное дело.

Потом все происходит по новой, как в сказке про белого бычка. Опять снимается жильё, Татьяна начинает строить планы и забывает о своих страшных клятвах порвать с Мурашовым раз и навсегда, вычеркнуть из жизни это чудовище. Вновь чувства вспыхивают с невероятной силой. Эти двое просто обмирают друг от друга. Голубки счастливо воркуют в унисон. Воркование обычно длится недолго. Любовный период не выдерживает более двух-трех месяцев. Потом Мурашов начинает бесноваться и в один прекрасный миг под благовидным или не очень предлогом уходит в никуда. При этом он не затрудняется объяснить, почему он поступил именно так. Ни жалости, ни сожаления, ни оправданий с его стороны ждать не приходится. Он выше этого. Моральные аспекты, слезы и переживания подруги его не волнуют. Он не объясняет природу своих поступков. Вот так получилось, и все, пусть Татьяна считает, что именно таким образом захотела поступить его левая, крайне неординарная нога.

У Алины сложилось твердое впечатление, что Мурашов превратил историю любви в мазохистскую игру, которая доставляет ему удовольствие и необыкновенным образом греет мужское самолюбие. То ли самоутверждается мужик подобным образом, то ли от рождения болен на голову, науке неизвестно. Но все происходит по одной и той же схеме, от которой начинается зубная ломота и хочется нанять киллера.

Слушать Татьянины сказки про то, что у них все сложится, уже надоело до чертиков. Ей все давно понятно, только никак не удается убедить подругу, что неврастеник Мурашов рано или поздно начнет истерить и скандалить без всякого повода. Неуспокоенный оказался мужик и, что самое прискорбное, не очень-то и состоятельный по жизни. Как бы Татьяна ни старалась быть послушной и любящей, не помогли никакие уловки. Советы мудрых психиатров и развязных сексопатологов всего мира терпели неизбежный крах. Кулинария сдавалась тихо и послушно в первую очередь. Стареющий психопат не вмещался в стандартные рамки – и все тут. Расставание со скандалами и нешуточными страстями наступало с неотвратимой неизбежностью. Влюбленные в очередной раз разбегались, и тут наступало самое страшное. Надо было в сто первый раз спасти подругу, выслушивать без конца бредовые идеи и утирать слезы.

Вновь Татьяна, проклиная все на свете, ставила твердую точку во взаимоотношениях с изрядно поднадоевшим любимым и единственным. Она становилась резкой, почти безжалостной и объявляла о своем решении покончить с этим безобразием навсегда. Она проклинала тот день и час, когда судьба свела ее с извергом и кровопийцей. Обещала клятвенно не повторять ошибок и уважать собственное «я». Революционный и бурный процесс длился недолго. Женские эмоции, замешанные на слезных страданиях, и не более того, иссякали без следа, и наступала следующая стадия. Поверить в решимость Домашневой начать новую жизнь было соблазнительно, но непродуктивно. Алина в этом убеждалась не один раз. Если честно, она за эти годы сбилась со счета, сколько раз Мурашов устраивал Татьяне очередную встряску.

Через пару недель яростная в своем праведном гневe красавица превращалась в кисельное нечто. У нее гасли глаза, она теряла всякий интерес к жизни и тихо умирала. Татьяна купалась в своих страданиях и превращалась в раздавленное и несчастное существо. В ее глазах появлялось сиротское выражение – ожидание чудесного перелома судьбы брошенным на произвол судьбы ребенком. Видеть это было невыносимо. Улыбаться в такие моменты Домашнева не могла физически, не получалось. Вселенская тоска поселялась не только в ее сердце, она вымораживала все вокруг. Татьяна в своем горе глохла, сохла, немела, не реагировала на происходящее. Единственной ниточкой спасения для нее был телефон. С сотовым она не расставалась ни при каких обстоятельствах, даже, пардон за подробности, в туалет и ванную с собой брала. Надо было видеть, как она летела к телефону на каждый звонок. С ее лица не сходило просящее выражение убогой нищенки, готовой за корку хлеба сделать что угодно.

Вот такая история. На сегодняшний момент Татьяна в очередной раз твердо решила расстаться с Мурашовым, но это все равно ничего не значило. И Алина знала об этом лучше всех. Не даст ей покоя Мурашов.

Масло в огонь без конца подливали добрые родственники, особенно старшее поколение. Советы давать все мастера, и морали читать проще простого. Вместо того чтобы поддержать человека в трудную минуту, отвлечь от горестных мыслей и страданий, они, словно сговорившись, постоянно посыпали Татьянины открытые раны крупной солью. Алина возмущалась до глубины души. Ее корбило от доброты, душевности и мудрости близких родственников подруги. Да, никто не спорит.

Имеются определенные понятия и условности. Но в первую очередь о человеке думать надо. А всем родителям, как по заказу, подавай ЗАГС и белое платье. Чтобы было все как у людей, чтобы перед соседями было не стыдно. В борьбе за имидж они теряют остатки разума и человеколюбия. Как надо ненавидеть собственного ребенка, чтобы накинуться на него всей

семейной стаей в благородном порыве уничтожить человека окончательно и бесповоротно, когда ему и так нелегко. Всю эту необыкновенную лав стори можно было легко просчитать и разложить по полочкам, только от этого не становилось легче.

Поэтому нечего злиться на подругу по пустякам, пусть развлекается, строит глазки питерскому красавцу и добивается побед. Может быть, это небольшое приключение поможет ей, наконец, избавиться от власти учителя.

Уговорив себя не злиться по пустякам, Алина тихонечко потягивала чай и не переставала удивляться, как странно иногда получается в жизни. Произошла тривиальная встреча, случайная по сути, а как все мгновенно изменилось. У нее сердце екает при одном взгляде на Виталия, а уж как Татьяна старается, просто не в себе девчонка. Как ему удивительно подходит его имя. Оно как продолжение его потрясающей внешности. Было бы преступлением перед природой, если бы его назвали как-то иначе. Пусть говорят, что мужчина должен быть чуть симпатичней обезьяны. Врут все и лицемерят те, кому не досталось возможности получать наслаждение не только от общения, но и от созерцания. Истинная красота никого не может оставить равнодушным. Природа наделила Виталия не только совершенными формами и красотой. Сколько в нем обаяния, такта, дружелюбной приветливости. Этот красавец умеет себя вести и способен покорить не только с первого взгляда, но и с первого слова. Вопреки негативным мнениям о том, что все военные мужланы и тупицы, этот даст фору английскому денди. Красиво ест, умело поддерживает беседу, не несет ереси, внимателен, предупредителен, способен поговорить на любую тему. Слово мечта из красивых книжек и грез.

Вот и планируй, высчитывай, надейся, раскладывай все по полочкам и думай, что ты лично властен над обстоятельствами и судьбой. Вроде бы ты давно все поняла и знаешь про себя. Что-что, но в любовь с первого взгляда никогда не верила. Ты не смотришь жалостливые сериалы с любовной жвачкой, тебе это неинтересно, кажется смешным, наивным и глупым. Ты считаешь себя современной, независимой, уверенной в себе девушкой, которая твердо стоит на ногах и не верит в любовную муру. И вдруг бац! Стоп! Приехали! Можно обращаться к разуму хоть тысячу раз, но ты за считанные минуты превратилась в совершенно другого человека. Ты готова пойти на край света за мужчиной, которого не знаешь, а еще ты злишься не по-детски на лучшую подругу, потому что она крутит хвостом перед Виталием и не скрывает своих намерений.

Завтрак подходил к концу, но все, не сговариваясь, словно оттягивали момент, когда надо будет проститься и бежать по своим делам в разные стороны.

Глава 3

Санкт-Петербург подчинил себе полностью, покори́л с первого взгляда, заставил выбросить из головы вздорные мысли о житейских глупостях, женихах, напрасных страданиях о не очень счастливой личной судьбе. Алина бывала с родителями в Питере, но это было давным-давно, в розовом детстве, когда город назывался Ленинградом. Тогда ее больше интересовали подарки, сладости и аттракционы всех мастей. Кстати, классное время, когда тебе покупают липкое облако сладкой ваты на палочке и ты счастлива. Она не ожидала, что испытает какие-то особенные чувства и тем более потрясение от новой встречи с городом на Неве. Но как бы ни были избиты восторги по поводу магии белых ночей и волшебного очарования града Петрова, что-то необычное витало в воздухе. Санкт-Петербург, вопреки возрасту и пережитым многочисленным историческим катаклизмам, сиял необыкновенной, величественной красотой, дышал особенной энергетикой и покорял изысканностью старого аристократа.

Город был прекрасен, бесспорно. Немного смущали петербуржцы, особенно молодежь. Модные тенденции здесь прослеживались довольно странные, словно населяли Питер не сдержанные, интеллигентные люди с северным, спокойным характером, а дикие индейцы, обожающие сочетать в нарядах лоскутную яркость и поразительное безвкусице одновременно. Юные, все как на подбор, одевались с претензией на высокую моду. По московским меркам это выглядело нелепо, а порой довольно смешно. Словно ты не в Северной столице, а в каком-нибудь задрипанном Алапаевске. По-настоящему стильно одетые молодые люди встречались крайне редко. Но все это абсолютные мелочи, почти приятные. Можно, отдыхая на лавочке и уплетая за обе щеки мороженое, немного позлословить и побаюкать собственное чувство превосходства. Что может быть приятнее для двух красоток?

Подруги пробродили по улицам и проспектам целый день. Они решили познакомиться с Питером самостоятельно, составить собственное впечатление и обойтись на начальном этапе без назойливого бормотания гидов и экскурсионных поездок. Времени вполне достаточно, успеют на экскурсии съездить и по музеям побродить. Одно другого не исключает. Никуда не торопясь, прошлись по Невскому, шурясь от ласкового солнышка и удовольствия. Останавливались где и когда хотели. Если уставали, присаживались в каком-нибудь уютном скверике, глазели по сторонам. Настроение было отличное. Приятных впечатлений – предостаточно. Впереди еще несколько свободных дней, можно просто так, с удивительным легкомыслием, тратить время на милые удовольствия. Не надо с утра подсакивать от взрывающего мозг и нервную систему пронзительного звонка будильника, совершать набившие оскомину привычные действия, идти на работу... Красота.

Подруги чувствовали себя старшеклассницами, сбежавшими с уроков в конце учебного года. Они решились на неординарный поступок! Свобода, независимость и где-то в самом далеком далеке легкий тревожный холодок не отступали от них. К концу дня обе напитались впечатлениями по самое горлышко. Устали ужасно, ноги с непривычки совершать столь длительные прогулки гудели и готовы были отвалиться. К тому же с наступлением вечерней прохлады обе почувствовали, что ужасно голодны. Мороженое, конечно, вещь вполне калорийная и для девушек довольно полезная, но захотелось поужинать по-человечески. Несмотря на усталость, решили твердо, что после ужина не будут торопиться на отдых, по плану предстояло посмотреть, как разводят мосты, и понять, что же такое на самом деле – эти белые ночи.

Бродить по чужому городу и купаться в чувствах, отбросив на несколько дней все проблемы и заботы, – это, конечно, замечательно. Многим в такой ситуации удастся не испортить себе праздник. Хотя чужой город – дело довольно тонкое и непредсказуемое. Откуда двум уставшим и потерявшим бдительность девушкам было знать, в какое заведение можно пойти поужинать, а какое лучше обойти стороной. Проголодавшиеся красотки выбрали место

наобум, исключительно по внешнему виду. Кафе выглядело вполне респектабельно, вывеска заманчиво сияла разноцветными огнями, название понравилось. Что и подкупило. Но вышло все по закону бутерброда. Как только они переступили порог заведения, Алинино сердце предупреждающе екнуло. Интуиция мгновенно выбросила ярко-красное предупреждающее табло: «Осторожно! Опасность!» На самом деле ничего особенного не произошло, они попали в довольно приличное кафе, если бы не одно но. Заведение оказалось обычным спортивным баром. Подобные места, в принципе, посещать хрупким девушкам не возбраняется для расширения кругозора, но лучше такие походы совершать, если в наличии имеется мускулистый кавалер, а еще лучше, если их несколько.

Две сублильные девушки, нарисовавшиеся на пороге заведения, набитого до отказа крепкошеими, бритоголовыми и мордастыми мужиками с недовольными физиономиями, ощутили на себе нешуточный прессинг. Было ясно, что поступили они крайне неосмотрительно. По внешним параметрам они на футбольных фанатов явно не тянули. Своим появлением в спортивном баре, да еще во время трансляции футбольного матча, нарушили негласные законы мужского братства. Их поведение не вписывалось в строгие рамки, установленные сообществом сумасшедших болельщиков. Тем более что игра явно не задалась. Все посетители находились в раздраженном и взбудораженном состоянии. Им было сейчас не до дам.

– Пошли отсюда, – прошептала Алина подруге. Аппетит пропал. Не хватало еще приключений на свою голову за свои же деньги. Уж лучше ретироваться и найти более подходящее место, где можно спокойно поужинать без всякого намека на экстрим.

– Ага, сейчас. Я, между прочим, есть хочу, – возразила Татьяна с гонором. Спорить с Домашневой бесполезно, особенно когда она начинает упираться рогом.

– Тань, ты же видишь, мы попали в спортивный бар. Пойдем, а? Здесь кормят, наверное, не очень, и контингент довольно специфический. – Алина сделала несмелую попытку образумить подругу.

– А я девушка не гордая. Мне, кроме пиццы и бокальчика холодного пивка, ничего и не нужно. Не дрейфь, подруга. Мы же не в гей-клуб попали. Вокруг нормальные, здоровые мужики. Можно подумать, что мы футбольных фанатов не видали. Да у меня во дворе каждый второй с шарфиком любимой команды не растает ни зимой, ни летом. И ничего. Я жива, как видишь, весела и здорова. Поужинаем спокойно, и все. Кого это волнует?

Пока подруги тихонечко переругивались, все мужское сообщество оторвало взгляды от телевизионных экранов и переключило внимание на них. Ситуацию нужно было разруливать. Проще и правильнее всего было наплевать на собственную гордость, развернуться и уйти, но Татьяна так не считала. Неожиданно то ли от отчаяния, то ли от гипертрофированного чувства собственного достоинства громко, независимо, с непонятым вызовом она бросила в никуда:

– И кто играет?

Провокационный вопрос повис в воздухе, буквально через секунду вызвав довольно бурную реакцию посетителей бара. Аудитория зашевелилась, как растревоженный муравейник, послышались смешки, откуда-то из дальнего угла раздалось басистое и лениво-снисходительное:

– Наши с немцами, – бросили из глубины пренебрежительно.

И вновь наступила напряженная тишина. Еще не поздно было ретироваться, но надо знать характер Домашневой. Последнее слово должно было остаться за ней, даже если после этого наступит вселенская катастрофа.

– А, бесполезняк. Все равно наши игру сольют, – с видом знатока безапелляционно прокомментировала ситуацию Домашнева. Откуда только такие слова взяла.

Алина похолодела. Она поняла, что подруга втянула их обеих в непростую историю. Она физически ощутила на себе волну ненависти и агрессии. Мужики стали дружно привставать со своих мест. Футбол их перестал интересовать в принципе, они нашли врагов, на которых

можно выместить собственную злость и неудовлетворенность от игры и проигрыш любимой команды. Сомнений не оставалось: сейчас им достанется по первое число. И какой бес Татьяну попутал? Тоже мне спортивный комментатор всех времен и народов. Нашла время и место изображать из себя своего парня. Сейчас толпа, накачанная пивом и отрицательной энергией, сметет их. Алина дернула подругу за руку и стала позорно отступать поближе к двери. Татьяна сопротивлялась, пыталась вырваться и, кажется, сдаваться без боя не собиралась. Худенький мальчик-официант, который находится между ними и разъяренными фанатами, – единственная, но очень слабая надежда на спасение. Вот влипли так уж влипли.

Уже один урод, самый нетерпеливый, выскочил из толпы, кривлялся перед ними в корчах, руками махал, оскорблял. Господи, что они ему сделали? Откуда столько ненависти, почему? Ни одного человеческого взгляда вокруг, а ведь, судя по внешним признакам, в кафе полно ровесников. Поужинали, называется. Начали раздаваться оскорбительные выкрики, смешки. Страшно-то как. Бежать, скорее бежать отсюда. Хочет Татьяна расстаться со своей молодой жизнью раньше времени, – пожалуйста, сколько угодно. Она ей мешать не будет. Алина рванула к выходу под свист, оскорбительный мужской гогот и улюлюканье. Такого страха и позора ей испытывать еще не приходилось. Да наплевать, главное – ноги унести подальше из проклятого кафе. Ага, вот и смелая подруга несется вслед за ней под дружный гогот уродов от спорта. Это хорошо, сейчас она выпишет ей по первое число, если, конечно, до этого оплеух не навешают. Надо знать, как себя вести. Нашла где и, самое главное, кому свой гонор показывать.

– Алина, стой! – В голосе Татьяны звучала мольба о снисхождении.

Алина оглянулась, но скорости не сбавила. Чем дальше отсюда, тем безопаснее. Не хватало еще вляпаться в некрасивую историю и вернуться домой с фингалами. Вот уж народ порадует. После хорошей пробежки подруги остановились, пытаюсь восстановить дыхание и собраться с мыслями.

– Какого кляпа ты устроила сольник имени Татьяны Домашневой? Смелая, да? Да тебя убить мало! Сейчас схлопотали бы по первое число, и что? И чего тебя раздражает постоянно в самый неподходящий момент? Что ты за человек такой? – Алина безнадежно махнула рукой.

– Ну Алиночка, ну лапочка, прости. Так получилось, – жалобно пролепетала Домашнева.

– Получилось! У тебя всегда все очень здорово получается, особенно шиворот-навыворот. Нет, ты мне скажи. Если бы тебе в метро в Москве встретила толпа футбольных фанатов, тебе бы пришлось в голову вступать с ними в переговорный процесс? Да ты бы или ноги унесла, или к стеночке прижалась. Отвечай! – грозно прикрикнула Алина на подругу, которая никак не могла отдышаться после забега.

– Прижалась бы, твоя правда.

– Тогда объясни, из каких соображений ты начала из себя изображать звезду? – грозно спросила Алина.

Татьяна ни с того ни с сего начала хохотать, как сумасшедшая. Алина вновь испугалась. Наверное, истерика у подруги на почве только что пережитого стресса, а она ее воспитывает изо всех сил.

– Тань, ты чего? – озадаченно спросила Алина.

– Ой, не могу. Я стихи придумала на злобу дня. Слушай, тебе должно понравиться. Две московские звезды чуть не получили мзды, – еле выговорила Татьяна сквозь безудержные приступы смеха. – Прикинь, на почве стресса поэтический дар проклюнулся. – И Татьяна опять закатилась.

Ну что делать с этой бестолковой девкой? На нее обижаться бесполезно. А воспитывать тем более. Горбатого могила исправит, это как раз про Домашневу.

– Пошли уже, звезда московская. Appetit не пропал? – мрачно спросила Алина.

– Ты с ума сошла. Я готова сейчас съесть самую большую в мире кучу калорий.

– Тогда идем искать приличное место, где нам эту кучу предложат и при этом морду не набьют. Если ты, конечно, и там не сумеешь настроить всех посетителей против нас, – саркастически добавила Алина.

– Давай язви, добивай свою несчастную подругу окончательно. Знаешь, как обидно мне стало за то, что нас с тобой в упор не видят. Хорошенькое дело. Мы – женщины, хрупкие и нежные создания. А эти бугаи набились в бар, накачались пивом и готовы убить за свой поганый футбол каждого, кто им под руку попадется. Это же ненормально. Они что, совсем тупые? Им женщины не нужны? Не понимаю. Впервые в жизни вижу таких уродов.

– Таня, все, забыли, обсуждать ничего не будем. Они фанаты, и этим все сказано. Ты умудрилась за пять секунд нарушить все околофутбольные законы и табу, естественно, что в тебе они видели не привлекательную женщину, а врага номер один. Все понятно, хоть и противно. Вроде с виду на мужиков похожи, а мышление отсутствует. Одноклеточные, что с них взять. Но мы с тобой, подруга, нынче имели шикарный шанс получить мзды. Как там у тебя? Повтори, пожалуйста.

– То-то же! Наконец и ты оценила, что я страшно талантливая. Слушай и запоминай. – И Татьяна с воодушевлением продекламировала нетленные строчки.

Похохатывая не только от гениального двустушия на злобу дня, а скорее оттого, что история закончилась для обеих благополучно, девушки довольно скоро нашли вполне приличное кафе. Несмотря на позднее время, почти все столики были заняты. Алина подозрительно осмотрела зал. Публика была вполне приличная, на их появление никто внимания не обратил. Агрессией в заведении и не пахло. Люди отдыхали, и им не было никакого дела до двух барышень-путешественниц. То, что надо. Девушки набросились на еду, забыв про разногласия. Татьяна начала разговаривать только за десертом, и это было огромным достижением сегодняшнего дня.

– Красота-то какая! – восхищенно проговорила она.

– Ты о чем? – насторожилась Алина.

– Я про десерт, а ты что подумала? – хитро поблескивая глазами, ответила Домашнева.

– Я не думаю, я ем. А десерт и впрямь произведение искусства. Тут я с тобой согласна полностью. Не имею никаких возражений. Ну что, подруга, какие у нас дальнейшие планы?

– Мы же договорились. Мы сегодня смотрим, как разводят мосты. А ты что, передумала?

– Ничего я не передумала. Просто ты стреляешь глазами по сторонам с таким энтузиазмом, что я боюсь остаться в полном одиночестве. А я девушка нежная. По ночам, хоть и белым, в гордом одиночестве шастать по чужому городу не привычная.

– Вечно ты придираешься. Можно подумать, что парочка приличных кавалеров может испортить впечатление от инженерных конструкций, – недовольно фыркнула Татьяна.

– Понятно. Кстати, эта парочка очень решительно направляется в нашу сторону. Что будем делать? Опять забег устраивать? Я лично после такого ужина далеко не убегу.

– А зачем убегать? Ты дикая какая-то, честное слово. Познакомимся, поболтаем. Мы девушки свободные. Захотим – продолжим знакомство, не захотим – откажемся.

Пока подруги горячо препирались, двое молодых людей спокойным шагом прошли к выходу мимо их столика, скользнув равнодушными взглядами по перевозбужденным от спора лицам девушек. Красавицы онемели от неожиданности. Ничего себе пассаж! Они тут бьются в смертельной схватке, решают, как поступить, а кавалерам и в голову не пришло обратить на них внимание. Они их просто не заметили. Подруги глазели друг на друга целую минуту. Степень удивления и потрясения не имела границ. Потом одновременно начали хохотать, наплевав на общепринятые правила хорошего тона. Комичность ситуации была беспредельной. Люди косо посматривали в их сторону, но остановиться не было сил.

– Да-а-а, – отсмеявшись, протянула Алина, – кажется, подруга, нам с тобой пора лечиться от мании величия. Приедем домой – первым делом запишемся на прием к психотерапевту.

– Подумаешь. Больные какие-то. Не очень-то и хотелось.

– Хотелось, я по глазам твоим вижу, что ох как хотелось. Мне-то хоть не ври.

– Не выдумывай. Подумаешь, потеря. Да здесь кадров пруд пруди. И замечу, преобладают моряки. Замену найдем легко.

– Неугомонная ты моя. Все время в поиске. Не устала еще? Ладно, не обижайся, мы обе хороши. Давай рассчитываться, и побредем потихонечку к Неве. А то после такого ужина энтузиазм исчезает с каждой минутой. Хочется в кроватку.

– Молодец. Приехала в Питер спать. Кому расскажи, не поверят. Не валяй дурака, подруга дорогая. Договор дороже денег.

Девушки мужественно выполнили культурную программу. Понаблюдали, как разводят мосты. Но то ли от усталости, то ли от пережитых потрясений величественная картина особого впечатления не произвела. Народу на улицах было много. В основном такие же туристы, как они. Но в общем, особого удовольствия девушки не получили. Слишком велики оказалась усталость и напряжение последних дней. В полумертвом состоянии девушки добрались до съемной квартиры и рухнули в кровати, забыв о гигиене.

Глава 4

На следующий день, едва продрав глаза, подруги быстренько умылись, оделись и отправились дальше в путь, за новой порцией впечатлений. Хозяйка вела себя тихонько, Виталий больше не появлялся. Жизнь как-то налаживалась, а точнее, возвращалась в свое привычное русло без излишних эмоций и потрясений. Сегодня решили проехаться по знаменитым каналам и посетить Эрмитаж. Удивительное дело – они вовсе не собирались покорять Северную столицу. Одеты обе очень скромно, ведут себя вполне интеллигентно, косметики на лице минимум. Но мужики всех мастей ведут себя как последние маньяки. Подруги не успевали отбиваться от мужчин. Настроение было прекрасное, им все больше и больше нравился Санкт-Петербург.

Уставшие, но очень довольные девчонки перед походом в Эрмитаж решили сделать небольшую передышку и пообедать в летнем кафе. Заказали еду, расслабились под цветным зонтиком в предчувствии хорошего обеда. Не успел официант выполнить заказ, как вокруг стало происходить что-то непонятное и очень страшное. Случилось какое-то странное движение, и летний день стал напоминать тягучий и кошмарный сон. К соседнему столику, за которым сидели молодые люди довольно колоритной наружности, похожие на современных крутых, а точнее, на бандитов, подошли четыре мужика в строгих костюмах. Тихомирова сразу обратила на них внимание. Все они были примерно одного роста и комплекции, одеты практически как близнецы-братья и очень напоминали команду по оказанию ритуальных услуг. Она еще подумала про себя, насколько все люди разные. На дворе лето, а эти вырядились в черное. Но размышлять на эту интересную тему ей долго не пришлось.

Средь бела дня люди в черном дружно, как по команде, достали пистолеты и приказали сидящим за соседним столом сдаваться. Мама дорогая, вот повезло так повезло. Аппетит пропал сразу, появилось острое желание смотаться из уютного кафе побыстрее и без потерь. Ну почему именно им выпала удача занять столик рядом с бандюганам?

Сидели бы себе тихо в дальнем уголке, поели бы спокойно и отправились дальше в соответствии со своими намерениями. Так нет. Подфартило с соседями несказанно. О тихой и размеренной жизни оставалось только мечтать. События развивались стремительно, непредсказуемо и страшно. Раздались выстрелы, соседний столик опрокинулся, бандюганы залегли за ним, как на передовых позициях, лицом в асфальт. Понять, что происходит, не хватало ни времени, ни мозгов. Выстрелы звучали совершенно нестрашно, совсем по-игрушечному. Происходящее не укладывалось в голове. Они, две московские девчонки, приехали на выходные в Питер, чтобы познакомиться с городом, провести выходные с пользой и удовольствием, а вместо этого попали в эпицентр бандитской разборки. Это какое же должно быть их личное счастье, чтобы в центре города, средь бела дня, угодить в крутую переделку. Смех смехом, а умирать в расцвете девичьих сил почему-то совсем не хотелось. Как-то не везло им с общепитом. Куда ни сунутся, везде их ждут приключения с криминальным оттенком.

Количество просмотренных по телевидению приключенческих фильмов не пропало даром. Как только началась стрельба, Алина с силой дернула Татьяну за руку и прошептала: «Ложись». Кажется, впервые в жизни Татьяна не стала сопротивляться и дискутировать, она четко, с завидным послушанием выполнила команду.

Летели приборы со столов, переворачивались стулья, тарелки разлетались на куски, крепкий мат стоял стеной, ужасный грохот сводил с ума. Потом все звуки перекрыл истошный женский визг. Подруги, зажмурив глаза и заткнув по-детски уши указательными пальцами, лежали под столом и молилась, чтобы беда прошла стороной. Это только в кино все бывает красиво, логично и героини выходят из любой ситуации с несмазанным макияжем, снисходительной улыбкой и нетронутой прической. На девчонок было страшно смотреть. Борьба двух

непримиримых сторон разворачивалась в двух шагах от беззащитных, перепуганных до смерти подруг. Если бы они смогли, просочились бы сквозь бетонное покрытие куда-нибудь поближе к середине планеты. Пусть там неуютно, холодно и темно, но, по крайней мере, не так опасно, как на городских улицах.

Все закончилось так же внезапно, как и началось. После криков, выстрелов, крепкой ругани наступила тишина. И от этой звенящей и непонятной тишины стало страшнее в тысячу раз. Глаза не открывались, руки-ноги не слушались. Что делать дальше, было совершенно непонятно. Подруги продолжали лежать под столом, словно замороженные. Время шло, ничего не происходило, глаза, наконец, открылись. С изумлением Алина вдруг обнаружила, что между ней и Татьяной лежит чужое портмоне. Первым желанием было откинуть этот ненужный, скорее всего бандитский, аксессуар подальше. Не успела она дернуться, чтобы осуществить задуманное, как Татьяна ловким шлепком уложила свою ладонь на блестящую поверхность туго набитого кошелька.

– Ты, чокнутая, – прошипела Алина, – даже не думай. Откинь это кожаное счастье подальше, и давай подумаем, как выбраться отсюда подобру-поздорову.

– Нечего командовать, – неожиданно огрызнулась Домашнева, – мы что, зря столько терпели? Даже не подумаю поступать по-пионерски. В конце концов, эти гады испортили нам не только настроение, но и обед. Мы имеем полное и законное право на сатисфакцию.

– Таня, какая сатисфакция? Ты о чем? Нельзя связываться с бандитами. Не убили – и слава богу. Не надо искать приключений на собственную попу. Бросай это имущество и давай потихонечку двигать отсюда. Очень душ принять хочется и вообще – очутиться подальше. Мне лично триллеры больше нравится смотреть по телику в спокойной домашней обстановке. Я совсем не геройская девушка. Мне надоели бесконечные страсти. Я на работу хочу.

– Перестань ныть. Во-первых, я это не отдам ни хозяевам, ни ментам, чтобы там ни было. Толстый кошель, не спорю. Но проверять некогда. Сколько бы там ни оказалось денег, мы заработали право на них пережитыми страданиями и потерей нервных клеток. Моя находка, значит, моя. Вот такое мне выпало счастье. И нечего на меня глаза тарашить. Я тебя не боюсь. О какой порядочности ты мне твердишь, когда на каждом углу белым днем некоторые не стесняются пулять друг в друга? Моральные нормы давно изменились. Пусть этот поганый кошель окажется пустым, все равно не отдам никому, из принципа. Лучше в реку выброшу, поняла?

– Поняла. Давай отползать в безопасное место. Слышишь, народ возмущается. Первый признак того, что опасность миновала. Надеюсь, мы не останемся обедать в этом уютном заведении?

– Вот это правильный подход, – обрадовалась Домашнева, ловким движением засовывая чужой кошелек в свою сумку, – выползаем. Ой, надо же, милиция приехала, слышишь, как сирены орут? Оперативненько они тут работают, а нам с тобой смываться пора. Не хватало еще ко всему свидетельницами по криминальным разборкам пойти, да еще в чужом городе. Если наше руководство узнает о наших приключениях, нашей с тобой карьере наступит полный копец. Кому придет в голову разбираться, виноваты мы с тобой или правы. Служба безопасности таких промахов не прощает. Попрут нас с тобой, подруга, из банка с треском и о прошлых заслугах не вспомнят. Вот будет чудненько. Не расплюемся за всю жизнь.

Не успели девушки до конца выяснить отношения, как вокруг снова началось непонятное движение. Понять было ничего невозможно. То ли потасовка разгорелась с новой силой, то ли милиция начала действовать. Опять раздались крики, невидимый мужик, видимо, совсем недалеко стонал и ругался без остановки. Послышался топот ног.

Убегающих от стражей закона участников потасовки понесло в сторону беззащитных подруг, которые еще не успели принять вертикальное положение. Один из них на бегу, со всей дури толкнул стол, под которым нашли прибежище перепуганные девушки. Наверное, не хватило мужику места для маневра. Вот он, недолго думая, со всей силы так шибанул по ресторан-

ному столику, что тот перевернулся и аккуратненько ребром лег на левую ногу Алины. Мужик помчался дальше, не подумав оглянуться, а несчастная девушка чуть не потеряла сознание от боли. Боль была неожиданной и нестерпимой. Алина закричала, слезы непроизвольно брызнули из глаз. Татьяна пыталась приподнять стол, да не тут-то было. У местных рестораторов дела, видимо, шли неплохо. Стол оказался не пластмассовым, как в обычных летних кафе, а деревянным, массивным, на кованых ажурных ножках. Это только с виду он выглядел изящным и невесомым, а на самом деле весил довольно прилично. Алина видела, что подруга пытается ей помочь, и понимала, что у нее ничего не получается. Ужас и бессилие охватили Тихомирову. Проклятая нога болела невыносимо. Окружающим не было никакого дела до их проблем. Вокруг царили полная неразбериха и самая настоящая паника. Каждый выбирался из ситуации как мог. Алина ощутила себя брошенной, никому не нужной и очень несчастной. К боли физической прибавилась страшная обида на весь белый свет. Где власть? Она имеется в этом городе или нет? Куда подевались людское благородство, элементарная взаимопомощь? Ведь наверняка кто-нибудь видит, как хрупкая девчонка пытается вызволить подругу из-под машины. И что? А ничего. Никакого шевеления. Каждый спасает собственную шкуру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.